

Журнал «Посев».

Учредитель: Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Т.П. Артёмова,
Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков,
А.Б. Горянин, В.Э. Долинин,
Е.И. Древинский, Г.В. Кокунько,
О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов,
Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих,
Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров,
В.Б. Славин-Боровский,
М.В. Славинский, И.Б. Чубайс,
И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

Компьютерная вёрстка

М.Ю. Родионов

Корректор

К.В. Оскоцкая

Адрес издателя и редакции: 127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96
Телефон/факс: (495) 625-9248

E-mail: tsurganov@mail.ru;
posevru@gmail.com
http://www.posev.ru

Адрес типографии ООО Принт сервис групп: 125438, Москва, 2-й Лихачёвский пер. 7. Телефон (495) 797-8124

Тираж 800 экз. Свободная цена
Подписано в печать 26.07.2012

Адрес издательства POSSEV GmbH:
Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-1265; fax 34-3841.
http://www.posev.de
E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

ISSN 0234-8284

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы. Редакция в переписку с неопубликованными авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна

ПОСЕВ

№ 08 (1619) август 2012 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

ВОЗВРАЩАЯСЬ К СОЛЖЕНИЦЫНУ

Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну	2
Солженицына Наталия Дмитриевна	3
Роднянская Ирина Бенционовна	7
Сараскина Людмила Ивановна	10
Краснов Михаил Александрович	11
Иванов Святослав Павлович	13
Зибницкий Эдуард Валентинович	16
Гальцева Рената Александровна	18
Сараскина Людмила Ивановна	20
Роднянская Ирина Бенционовна	22

ИНТЕРВЬЮ

Ирина Смирнова.

Князь Димитрий Романович: «Мы — Романовы, значит, надо что-нибудь делать для России»	24
--	----

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Валерий Сендеров.

На карабахском направлении	26
----------------------------------	----

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Екатерина Андреева.

Петербург — «парадиз» или «ГУЛаг» Петра Великого?	28
--	----

Игорь Чубайс.

Стояние на Совке	35
------------------------	----

Василий Ласкавый.

Погодный фактор в советско-финской войне	36
---	----

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Владимир Строецкий.

Из прошлого в будущее	40
-----------------------------	----

АРХИВ

Георгий Вербицкий.

Ещё раз о Власове	45
-------------------------	----

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Открытое письмо в журнал «Посев»	48
--	----

Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну

Круглый стол с таким названием провела редакция журнала «Посев» 17 мая 2012 года в Москве в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН. Участникам мероприятия было предложено обсудить проблему, поднятую в статье Александра Солженицына «Как нам обустроить Россию?», применительно к сегодняшнему дню. Приглашение на Круглый стол сопровождала следующая преамбула.

*«Часы коммунизма — своё отбили.
Но бетонная постройка его ещё не рухнула.
И как бы нам, вместо освобождения,
не расплющиться под его развалинами.»*

Этими словами Александр Исаевич Солженицын начал вышедшую осенью 1990 года статью «Как нам обустроить Россию?». Обустройство, о котором беспокоился писатель, касалось самых разнообразных вопросов. От внешней политики и внешних приоритетов грядущей России до внутреннего — нравственного, политического, экономического — преобразования страны. Последнее — внутреннее — было, разумеется, самым важным. И обращался Солженицын, как обычно, к широчайшему кругу читателей. И к новым «вождям», к руководству страны; и — в первую голову — к обществу, к народу.

Вышедшая приложением к многомиллионной «Комсомольской правде» статья тотчас стала сенсацией, её обсуждали в различных кругах. А как раз в привлечении внимания к идеям и состоит первая цель любого подобного труда. Цель эта, казалось, была достигнута. Смущал, однако, уровень обсуждения. Лишь малая часть споривших вдумывалась в обсуждаемые идеи по существу. Неприятие писателем многих форм современной западной демократии воспринималось по-разному. Кто-то видел в нём этакую маргинальную «крутость». Другие — возмутительное мракобесие. Для третьих — сторонников принципиально антиевропейского «русского пути» — само обращение к демократии как к кардинально важному понятию уже казалось крамолой...

Левый для правых. Правый для левых. Так с Александром Исаевичем получилось и на сей раз.

Между тем время шло. Шло быстро. Бетонная постройка рухнула — менее чем через год после солженицынской статьи. А все мы закопошились под развалинами. И в копошении этой идеи Александра Исаевича забылись. «На самых верхах», на президентском уровне, перед великим писателем подчас подчёркнуто демонстрировали пиетет. На других же уровнях — не заботились и о внешних приличиях. Думский зал с зевающими при выступлении Солженицына депутатами — достойный символ постсоветского парламентаризма...

Суть же, при разной символической, была одна. Солженицынские идеи игнорировались. Строительство новой России проводилось по простейшим, стандартным рецептам, не выверенным для специфики конкретной страны. К чему мы пришли на этом

пути? Назовём лишь самое очевидное. Демократия, свобода — в России это, в лучшем случае, формальное отсутствие запретов: правового подкрепления демократии и свобод нет. Либерализм, права человека — для подавляющего большинства наших сограждан эти слова стали чуть ли не ругательствами. Либеральные реформы продолжаются — при поддержке националистической риторики, призванной смягчить и канализировать недовольство ими. Это опаснейший путь, на него Россия уже вступала — сто пятьдесят лет назад...

Можно ли сказать, что мы сейчас — в тупике? По солженицынскому же выражению — «в обвале»? Так ли, нет ли, но мы мечемся без ясных ориентиров. Общечеловеческих и национальных. И, быть может, главные опасности подстерегают нас впереди.

«Россия в тумане». Так можно перефразировать название ещё одной известной солженицынской работы. И в этом тумане хочется вновь обратиться к общественным идеям писателя. Сегодня они начинают воплощаться — подчас неожиданным образом. Взглянем хоть на Евразийский союз. Внутри же страны — важность местного, земского самоуправления ясно обозначилась сегодня для знакомых и незнакомых с идеями Александра Исаевича людей.

Будущее России — в руках ее граждан. И в строительстве страны у каждого своя роль. Серьёзное изучение и критическое осмысление солженицынских идей станет, надеемся, нашим посильным вкладом в это будущее.

Участники Круглого стола

Ведущий — **Ю. С. Цурганов**, главный редактор журнала «Посев»

Выступили:

Н. Д. Солженицына — президент Русского общественного фонда Александра Солженицына

И. Б. Роднянская — литературный критик, филолог, исследователь русской религиозной философии; член редсовета журнала «Новый мир», редактор словаря «Русские писатели. 1800—1917»

Л. И. Сараскина — главный научный сотрудник Государственного института искусствознания, доктор филологических наук

М. А. Краснов — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики, доктор юридических наук

С. П. Иванов — публицист, редактор альманаха «За Россию!» (Воронеж)

Э. В. Зибницкий — публицист (Псков)

Р. А. Гальцева — философ и публицист, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, редактор издания

«Эон. Альманах старой и новой культуры»; автор книг и статей по русской философии и истории идей

С. Д. Серебряный — директор Института высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского, доктор философских наук

Солженицына Наталия Дмитриевна

Когда меня приглашали на эту мини-конференцию, то я с самого начала сказала, что не могу, скорее даже — не хочу участвовать в дебатах по существу дела. По поводу того, почему не воспринята была «Как нам обустроить...» и можно ли что-то полезное взять оттуда для сегодняшней жизни. Я, честно сказать, считаю, что нельзя. Что ту систему, которая сегодня утвердилась и заостенела, — на те пути, что были предложены в «Как нам обустроить...», не повернуть. Но, с другой стороны, меня очень трогает и волнует желание хотя бы немногих людей всё-таки перечитать, пересмотреть статью и подумать: нельзя ли что-то приложить к сегодняшней жизни? У меня самой горечь выжгла всякое желание рассуждать, не поздно ли как-то применить мысли Александра Исаевича, высказанные двадцать с лишним лет назад. И поэтому я сразу ответила, что могу предложить только свои воспоминания о том, как это было, как писалась статья.

Переменами на родине мы только и жили. С 1987 года сидели как на иглоках, ожидая, что вот-вот вернут гражданство, что мы вернёмся в страну, а это все не случилось и не случилось. Мы очень внимательно, с биением сердца следили за всем, что происходит в стране. Читали ежедневные тассовки. Александр Исаевич получал в день 20—30 писем из России, больше всего из провинции — из столицы, очевидно, как-то пресекали письма. То время прочертило глубокую борозду личную в его жизни, и в моей, и в жизни мальчиков. И я подумала, что сегодня

Наталия Дмитриевна Солженицына

шняние мои воспоминания всё равно не передадут той атмосферы так, как могут передать мои же записи того времени. Я вообще не всегда вела записи, но в то время вела. И, если позволите, предложу вашему вниманию то, что я тогда записала, это по крайней мере точнее передаст наше состояние, всё-таки это документ. Конечно, я выбрала из толстой тетради за 1990 год только то, что относится к работе над «Как нам обустроить...», и немного атмосферы вокруг, без которой было бы вовсе сухо. И, если позволите, я вам прочитаю¹.

1990

КАВЕНДИШ, ВЕРМОНТ

2 февраля, птн., Сретенье, по-новому. — В церкви, наверно, никого не было: снегопад, гололёд, по радио тревога — «сидите дома». <...> Говорили о предстоящем российском строе: конечно, демократия. Альтернатив не видно, хотя они, может быть, были бы безопаснее для начала перехода от тоталитарного строя. АИ: «Но к чему наш народ совершенно неспособен — к организации. Разве что большевицкие бандитские годы воспитали жёсткие поколения, изменили хватку, — может, теперь найдутся и организаторы». — Я: а как же купцы? — АИ: я говорю — неспособны к организации *политической* жизни.

¹ В апреле сокращённые выдержки из этих записок были напечатаны в книге-подарке Владиславу Фронину к 60-летию: Из записей Н. Д. Солженицыной. Кавендиш, Вермонт. 1990 // Фронин Вл. Пепел и алмаз. М.: Российская газета, 2012. С. 103—108.

5 февраля, пнд. — Слепительный день. Ездил на почту и за покупками — жалела, что нет времени просто поехать — покружить по нашим холмам, онемевшим от собственного великолепия. <...> Первый день Пленума прошёл. Горбачёв предложил многопартийную систему. Вероятно, он победит несогласных. Выиграет ли от этого страна — совершенно неясно... В общем, Горбачёву удаётся мимикрия, и он вовлекает в неё не вовсе сгнившую часть номенклатуры, — а лучше бы сгнули они все. Но так не бывает: за собой потащат и тех, кому жить да жить. Саня, после новостей: — Когда я прежде представлял падение коммунизма, в чём всегда был уверен, — то мне виделось: всё старое сметено, пришло всё новое, чистое, пусть и нищее. А теперь: вся мразь, вся гниль — на тех же местах, всё заполонила,

спускают на тормозах, — и всё захрюканное. Реальность — и должна быть такой, те мечтания были поэтические — но так уж тоскливо сегодня на экран смотреть.

15 февраля, чтв. — Вчера Наполеон Сергеич вошел в штопор на Верх. Совете: желает, чтоб его избрал Президентом Съезд народных депутатов, — а Верх. Совет и Съезда созывать не хочет, и Президента уж если избирать, то всенародно... — словом, скачка пошла со спотычками. А тем временем в Душанбе больше сотни убитых, танки, пожары — и уже загорается во Фрунзе. Сегодня Латвия заявила, что хочет быть отдельным государством. За Литвой как ледоколом.

Нас лихорадит — и мы стараемся канализировать эту лихорадку в рабочую. <...> АИ — почти в полёте, скоро от земли приподымется, в горячих струях (под ногами горит). Спрашиваю: Что ж будет с Россией? — Он: «Ночью и днём думаю».

17 февраля, сб. — <...> «Это должна быть брошюра. Я умею написать сложное — понятно».

24 февраля, сб. — Москву лихорадит перед назначенной на завтра демонстрацией (ожидают полмиллиона).

АИ: «Писал я свои книги — слишком рано, обществу к ним было не готово; а теперь приходят они в Россию — слишком поздно».

И ещё, позже: «Сейчас там — не время литературы вообще. И писатели — вошли в свое трудное десятилетие (что ни напиши — устареет, а писать неустаревающее — мешает лава событий). Но долго так не останется, лет через 10 литература опять займет свой объём».

26 февраля, пнд. — <...> АИ в последние дни особенно остро оценивал российские события, накопилось много свежей информации. Сегодня записал в Дневник¹ (я записи не видела, знаю с его слов):

— «Красное Колесо» сейчас появляется не вовремя, — а когда в 60-х годах вышла «Война и мир» — вообще освистали: что это? зачем? к чему?

27 февраля, вт. — <...> Сегодня Верх. Совет, обработанный Горбачёвым в кулуарах, — проголосовал дать ему Президента (но с полномочиями диктатора): он может смещать и Верховного Судью, и Председателя Президиума Верх. Совета; объявлять войну; объявлять военное положение единолично. В нынешнем безнадежном положении диктатура — верное было бы средство, да только Горбачёв — не диктатор, АИ говорит: «у него заячье сердце».

28 февраля, среда — <...> Сейчас, после вечерних новостей, обсуждали российские новости: президентство и сегодняшнее голосование о земле: нельзя покупать-продавать, но можно получить в пожизненное пользование с правом передать детям.

Саня: что нельзя торговать землей — хорошо. В Московском периоде было так: «Земля — государева, а леса и рощи — наши». Вот найдутся ли работники?

27 марта, вторник. — АИ сказал: думаю о погибающей стране — непрерывно. Что, и как, и возможно ли — сделать. И когда с этим выйти. Тяжёлая, горькая работа.

10 мая, четверг — Среди почты: два номера ново-политического советского журнала *Родина* (в одном — отрывок из «Республики труда»). В них много фотографий, Саня их листал вечером, а перед самым сном стал показывать мне. Стоят бабы, пожилые, опершись на мотыги, тяжело, — и смотрят в упор на фотографа (значит — на каждого, кто смотрит снимок), — Саня головой крутит: «не могу такое видеть».

21 мая, пнд. — [Саня:] «Да, убогой нам родина открылась. Казалось всегда: развалится Советы — какая радость будет! А вот — до такого жуткого развала довели, что и радости нет».

28 мая, пнд. — На родине — страшно. В Армении кровь, войска НКВД. В Москве — паническая скупка всего съестного. А в Георгиевском зале — битва за «Российский трон», Ельцин близок к цели, да не укусит никак (завтра — 3-я переголосовка).

Опять «проверяли позиции» с Саней: мы оба думаем, что времени — уже не осталось, и ничто, никто не может спасти от хаоса. АИ: «Дожил бы Лев Толстой до 17-го года — кто б его в том гвалте слушал?» И позже: «В такой быстродинамичной обстановке — писателю не время, не место». (Малые страны, Вацлав Хавел — другое дело.)

3 июня, воскр., Троица — <...> Служба сегодня в Springfield'e (Троицкая церковь у них) — и мы не ездили. И траву не косили, старимся.

Говорили с Саней об одичании нравов и сбитости с толку на родине. Он: «Уже потому Россия не на верном пути, что она ни в чём не очищается от мерзости. Германия всё время судила своих нацистов, все эти годы. А у нас не только никого не судили, но теперь смершевцы смеют еще в суд подавать на своих жертв — зачем называли их, да не так описали! (Чульпенева). Ведь какую экономическую реформу ни проведи, хоть и накорми всех в самом деле, а эта вся мерзость в поколениях скажется».

4 июня, Духов день — Санин любимый праздник. Провели часа два, обсуждая предстоящие работы, Саня рассказывал подробно... и о проблемах своих с «государственной работой» (не может нащупать входа, решил отложить начало собственно работы, продолжать летом чтение впрок).

5 июня, вт. — Резня между киргизами и узбеками. Называют десятки убитых — значит, их сотни. В районе Оша, из-за земли для строительства частных домов. Горит повсюду. АИ: «доведет нас Империя, неужто Горбачёву не ясно?»

11 июня, пнд. — «Ну, Ладка, у меня сегодня лавинный день!» Его втянуло в «государственную работу», и даже сквозь это многотрудное и прозаическое — выбил фонтан счастья.

Читает огромное количество сегодняшнего российского, самое задевающее пересказывает мне, каждый день обсуждаем.

¹ «Дневник Р-17» — «дневник Романа», сопровождавший работу А.И. над «Красным Колесом»; обычного дневника он не вёл. — Н.С.

14 июня, чтв. — Саня работает буквально весь день — и только совсем поздно, перед сном, «увороывает» — и перечитывает Цветаеву, подряд, — и захлёбывается: «Что ж это делается? Первые же десять стихотворений, детских, — замечательны. Вот послал Бог талант!»

22 июня, птн. — Саня прочёл обзор советской прессы о детях в СССР — подавлен. «Что ни день — открывается беда горше вчерашней. Заражена и природа, и, главное, *народ*, — это очищаться будет долго, так долго...»

29 июня, птн. — <...> Сегодня оценил, что первой редакции «госуд. работы» осталось около недели. И я сразу должна (прервав *Невидимки*?) её набрать и «драконить», как Саня называет. А *Невидимок*-то как хорошо бы кончить к сентябрю, чтобы мама отвезла в Москву.

5 июля, чтв. — <...> Открылась встреча НАТО в Лондоне. Президент Буш привёз важные предложения, главное — смена доктрины: ядерное оружие — не мгновенный ответный удар, а «крайний случай». (Таччер справедливо заметила, что от этого ядерное оружие не перестаёт быть ядерным, и потому необходима полная ясность, а это — двусмысленность.) Но всё равно — перемены в воздухе. <...>

Саня считает, что — «мы живём в историческое время; я рад, что дожил до этого поворота: кажется, белые опомнились и перестанут уничтожать друг друга. Если ось противостояния и останется, то изменится: не Запад — Восток, а, условно, Север — Юг».

Днём несколько часов обсуждали дела наши и общие; рассказывал Саня детально о «весах»: почему сейчас время ему выступить с «госуд. работой»; как она питалась из трёх источников: 1) многие годы — думал и читал, делал выписки из «мудрецов», о государстве; 2) «Красное Колесо» — в работе над ним узнал гораздо более того, что туда вошло, охват знаний много шире («Колесо» мне теперь отплачивает); 3) «перестроечные» события, газеты, журналы, — весь ком нынешних сдвигов.

Сейчас идет 2-я редакция — идёт хорошо, эффективно и с подъёмом.

10 июля, вторник — Саня: «11 июня начал писать всерьёз — завтра, 11 июля, кончаю 2-ю редакцию. Послезавтра отдам тебе». У него ясное чувство, что *сейчас* — время для такой статьи. Обычно чувство времени и — уже — чувство момента у него остры и сильны, так что не приходит и в голову ему с ними спорить; «весы» пишет, думает, взвешивает, — но внутреннее знание (надо или не надо, сейчас или позже) приходит независимо от «весов», и каким-то образом оно убедительнее всего.

15 августа, ср. — Свалился на голову Указ Горбачёва — смутно, неясно, без текста, без имён, одни намёки, — но как будто: возврат гражданства целому (непоименованному) списку лиц, включая «Солженицына и Бродского» (которого никогда гражданства и не лишали).

[16 августа] — Выявилась картина — мелкая, позорная: да, отменили Указы о лишении гражданства

23-х лиц, включая АИ (потом оказалось, что и меня); хотели захпнуть АИ в кучу-малу, чтобы «не привлекать внимания к его имени» (сказал какой-то высокий аноним), — вышло, конечно, наоборот. Вылез какой-то ещё Черемных от ВерхСовета — что якобы «у Солженицына были контакты на высоком уровне с сов. властями и он дал предварительное согласие», — лгун бесстыдный. АИ сам не стал и мараться об него, просил меня заявить о лжи. И что о гражданстве говорить можно только после снятия обвинения в «измене родине».

18 августа, сб. — В газетах опубликовано письмо Ивана Силаева, премьера России. Приглашает АИ приехать, быть его личным гостем; словарь — удивительный, так правители не говорили за все 70 лет.

/Вклейка:/ «...Обращаясь с этим письмом к Вам, великому сыну народа русского, я руководствуюсь прежде всего нашей общей любовью к многострадальной российской земле и её народу. Вы в своих произведениях на весь мир произнесли Слово о России, её судьбе в жестоком и беспощадном XX веке. <...> Обновление России, возвращение её к истинным человеческим и духовным ценностям — вот наша цель. Мы знаем, что это — и Ваша цель».

23 августа, чтв. — Ответ АИ Силаеву; с утра передала в Союз через ТАСС (в Нью-Йорке), а также — Комсомолке и Правде (в Нью-Йорке), ЛитГазете и Известиям (через Париж).

/Вклейка:/ «Уважаемый Иван Степанович! Спасибо за приглашение быть Вашим гостем».

Но для меня немисливо быть гостем или туристом на родной земле — приехал и уехал. Когда я вернусь на родину — то чтобы жить и умереть там. В свой возврат я верил и в самые безнадежные годы.

Болями нашей страны я и живу всегда. И как раз сейчас окончил статью: мои посильные (и сколько мне доступно извне) соображения о нынешнем состоянии страны и возможных и необходимых мерах, как я их понимаю. Вот неизвестно, «найдется ли бумага» в СССР для дешёвого и массового издания этой брошюры...»

24 августа, птн. — Всех обогнав, Комсомолка напечатала письмо АИ. Тираж у них 22 млн., самая тиражная газета в мире. Ничего громыхнули!

[В тот же день] — звонок их главреда (Фроина): премьер Силаев получил через нашу газету письмо АИ — и хочет немедленно отозваться: мы совместно предлагаем напечатать статью АИ, упомянутую в письме, — в Комсомолке, — это будет «и массовое, и дешёвое» издание: 22 млн., по 3 копейки. Я: решение за АИ, но думаю, что его обрадует это предложение. (Ещё бы! Уж как мы обрадовались: ведь всё гадали — как будем печатать, где, кому предлагать? — и вдруг такая трибуна.)

28 августа, вт. — Все эти две недели стоял гвалт от Указа Горбачёва, обрывали телефоны корреспонденты, — и сквозь этот гвалт и напряжение, и обмен письмами с Силаевым, — мы работали по 16 чистых часов, переделывая статью, споря и переписывая це-

лые абзацы, — и ещё изготовили окончательный набор, — молодцы, да и только.

1 сентября, сб. — В Комсомолке на 1-й странице — «Жить не по лжи», — напутствие к учебному году, так сказать. Ну и времена пошли...

5 сентября, ср. — Ещё сквозь эти бури — я непрерывно собирала чемоданы и коробки в Москву, 11-го мама и Митя едут. Из 4-х чемоданов — 3 целиком подарки друзьям (белье, свитеры, обувь). А ещё — 15 коробок багажа: еда, лекарства, канцелярия — для Фонда. Эти все коробки — 150 кг — Стёпа повёз утром в Нью-Йорк — и вечером сдал их вместе с Митей в аэропорту Кеннеди.

9 сентября, воскр. — Убили отца Александра Менья. Утром, по пути на службу. Убийство не бытовое — политическое, нет сомнений.

Саня поражён был известием («Оттого ещё, что так ясно, светло его помню»), спустился в часовню, молился там.

Позже заказали панихиду, служил отец Андрей... Саня вечером вспоминал-рассказывал, как видел о. Александра последний раз: «Был у него в храме на Всенощной, миропомазался. Вышли после службы вместе, пошли к сторожке. Отец Александр оглядывался очень пристально: не следит ли кто. Вошли, сели. Начали разговор — и посреди него отец Александр сказал вдруг: «Сегодня я узнал о смерти отца». После той службы, того вечера — мы уже не виделись до высылки моей. То была — смерть его отца. А теперь вот — его смерть».

11 сентября, вт. — Мама и Митя улетели в Москву. Повезли статью — экземпляры для Комсомолки, Литературки и Димы. Всю ночь накануне — писала письма.

18 сентября, вт. — Статья вышла в Комсомолке и Литературке, общим тиражом — под 30 млн. Как бы её ни встретили, как бы ни ругали автора, — всё равно это победа: статья глубоко пропашет. (АИ: «Ну, девочка, большое дело сделали. И такие клинья я вбил, что легко их не вытащат. Но ты готовь нервы: будет большой хай. (Позже:) Странно, что-то принимают пока без ругани. Ну — всё, значит, впереди».)

21 сентября, птн. — Идёт (совсем нами не предвиденный) газетный бум на Западе. Франция, как всегда, впереди. Но даже Нью-Йорк Таймс, врагиня, напечатала 19-го большие выдержки и статью — где впервые за 16 лет не было ни ругани, ни лжи об АИ, — чудеса. Но в своих выдержках они не привели ни слова из раздела об Украине, а только изложили сами: «призывает создать славянское государство», — так украинцы вскинулись аки львы (чего, впрочем, и ожидал АИ). По Голосу Америки — Роман Шпарлюк, профессор из Чикаго, кроет АИ почему зря, — а АИ хохочет: «Всё как по писаному! Я этот монолог мог заранее за них составить, 90% словесных совпадений».

Слава и Галя [Ростроповичи] позвонили из Вашингтона: «Это — историческое событие, всё сказал, всё влил — и с какой силой! — обними его, Аля», — прогудела Галя своим неповторимым сопрано.

Дима: в Москве отклик огромный, «от всего сказанного АИ, и от силы его слова — хочется жить, не хочется погибать».

Но и: кто бы ожидал? — сегодня устроили дебаты по статье в Верховном Совете, — ну, Россия, только у нас такое возможно: выступили два украинца и казахи с руганью — а вслед Президент Михаил Сергеевич с хитрым (но глупым) пассажем: Солженицын хотя и великий человек, но мне чужды его политические взгляды, он весь в прошлом, монархист, а я — демократ, радикал.

Смех, да и только.

Звонок Фрониной (по-московски глубокой ночью): не хочет ли АИ ответить Горбачёву? И как вообще, не обиделся ли? Я отклонила такое «частное» вторжение: АИ семь лет молчал — а теперь вы ждёте: будет каждый второй день выступать?

22 сентября, сб. — Опять Фронин: прямо по просьбе секретариата Горбачёва: «Важно, чтобы Президент и великий писатель сохранили хорошие отношения». Я: о каких отношениях речь? их до сих пор не было. — «Да, но важно на будущее». — Я взорвалась и выдала целую филиппику о правилах критики (сперва прочесть), монархизме, национализме, ярлыках и проч. Бедный Фронин (но в ГБ записали разговор, передадут Горбачу, даже если Фронин сробеет).

10 октября, ср. — Саня в ужасе от положения в стране, читает обильные и свежие вырезки, — но который раз замечаю: когда он в сильной творческой полосе — ничто и никто не повергает его в уныние, в безнадежность, — через все мраки и ужасы ему светит свет, и он верит в спасение. Если бы вера его передалась всем нашим дома, в России, — да как ею заразить? Там перед глазами у всех — болтун Горбачёв, балансирует между Ельциным и Рыжковым, это его лучшая среда обитания, — а реформы опять отложили, а страна расплатится за его танцы на одном месте — жестоко.

12 октября, птн. — <...> Вчера звонил Афанасьев из «Комсомолки»: благодарил за подписанные книжки (ему и Фронину, только что получили — Силаев сам приехал в газету и передал). Об откликах — письмах в газету (на статью АИ) говорит: русские — почти 100%-но поддерживают; украинцы и казахи — против; другие республики писем не пишут (мол, отпускаете, нет ли, — нам до вас и дела нет).

22 октября, пнд. — <...> Из письма Никиты [Струве; по возвращении из Москвы в Париж]: Лидию Корнеевну особенно 1-я часть «Как обустроить...» пронзила, несколько раз повторила — «гений». И её собственное письмо подтверждает как будто эту оценку (без таких радикальных выражений, конечно). И — многим 1-я часть кажется удачей... она всех и зацепила, — но обсуждение, приходится признать, прикрыли, или стараются прикрыть.

24 октября, среда — <...> «Комсомолка» напечатала гнуснейшую статью Эд. Лимонова (!), с плевками в Сахарова и Солженицына, вкупе со всеми «новыми лидерами», — угодливую к нынешней власти — до ощущения, что он так и остался сабвейской прости-

туткой. Значит — не только цыкнули на газету, чтоб не смела дискуссию разворачивать, но и указывают горбачёвские референты — что именно напечатать *надо*. Это натурально, впрочем: если сидишь в партийном здании, получаешь госуд. зарплату, печатаешь газету на госуд. бумаге, — то должен быть потолок над твоей гласностью.

9 ноября, птн. — <...> Сойфер: принёс со своих ученых конгрессов отзывы академической верхушки на «Как обустроить...» (Сагдеев, Спириин), — мол, отношение к АИ в их кругах изменилось, то «презирали», а теперь «высоко оценивают», «работа — по существу, научная, будет иметь большие следствия», — ну, утешили, отцы просвещения, спасибо. Что бы вам на 20 лет пораньше «высоко оценить» — может, меньше пришлось бы теперь обустраивать.

27 ноября, вт. — <...> Что-то случилось в Датском Королевстве: «трубадуры перестройки» развернулись против шефа — и как по команде начали его поклёвывать; и одновременно переступили «табу» (его же, конечно, горбачёвское) на Солженицына и хором принялись обсуждать «Как обустроить...», как ни в чём не бывало, — будто не было этих 2-х месяцев полного замалчивания. «Комсомолка» напечатала большую подборку читательских писем (мне показались они довольно убогого уровня, но Саня не согласен, ему нравится и состав писем, то бишь как подобраны, и что в них). «Огонёк» — беседу с Ципко (критика Горбачёва, но половина статьи — о Солженицыне). Бьюсь об заклад — завтра, в среду, «Литературка» тоже оскоромится.

В чём дело? Испугались, что Горбачёв заворачивает «вправо»? Единится с КГБ (но он с ними и всегда был един), и с армией (это ему хуже удастся).

28 декабря, птн. — <...> Ночью и утром — шёл снег, напало много, но — лёгкий, пушистый, можно было за ворота выехать и без чистки. Отправила кучу писем (остаток рождественских плюс деловые). <...> В присланных вырезках газетных попала статья из надутого «Коммерсанта», с попыткой «политического анализа» выступления Солженицына. Боже — что за жалкий уровень, и в прямой пропорции с самоуверенностью опытного раскидывателя пасьянса. Ни обзора, ни высоты — как курица в круте. («Письмо вождям» было адресовано, оказывается, Брежневу, Суслову, Андропову, а это — Горбачёву... «Письмо вождям» было адресовано — *следующим за Брежневым*, и они его явно изучили, да только не в глубине; это письмо — тоже не Горбачёву, и не Ельцину с Силаевым, — а *следующим за ними*, кто ещё не явился пред очи «Коммерсанта». Но эти будущие, надо надеяться, изучают его сейчас, с умом и зрением дальним, не как наши новые пузаны.)

Сегодня в Комсомолке — 2-я подборка писем о «Как обустроить...», — но теперь — мы не скоро её получим...

30 декабря, воскр. — Ермоше — 20 лет. Умён, хорош собой, здоров, — дай ему Господь счастья и чтоб он сумел послужить России. С романтическим сердцем и дисциплинированным умом можно оказаться очень на месте в стране, разрушенной до самых основ жизни. Пили за Ермошу весь праздничный обед.

[Отец подарил ему «Как нам обустроить...», отпечатанную брошюрой в парижской ИМКА-пресс, — с надписью:

«Сыну моему Ермолаю в день его 20-летия, на переходе во взрослость. О нашем трудном будущем ещё думать и думать всем вам.

30 дек. 1990.»]

Роднянская Ирина Бенционовна

Я — литератор, и, конечно, моя компетенция намного ниже значительной части сидящих в этом зале. Но вышло так, что сначала, на Солженицынской декабрьской конференции, на эту тему говорила Рената Александровна, а потом я — в надежде, что будет такого рода обсуждение, — написала некоторые тезисобразные пункты, излагая с некими комментариями остова этой работы Александра Исаевича. Поэтому я дерзну выступить вслед за Натальей Дмитриевной, просто чтобы напомнить некоторые вещи тем, кто не успел перечитать статью. Как мне кажется, это облегчит дальнейший ход дискуссии.

Появившиеся в 1990 году «посильные соображения» Александра Исаевича Солженицына не только не были приняты к сведению в практическом плане. Они даже не были всерьёз обсуждены и обдуманы. После краткого ажиотажа, о котором нам поведала сейчас Наталья Дмитриевна, всё стихло и забылось. А дальнейшее в стране совершалось словно бы в нарочитую противоположность тому, что советовал Солженицын.

Ирина Бенционовна Роднянская

Он предлагал не ностальгировать по советской «империи», уже непосильной народу, а заняться ду-

ховным и телесным его, народа, спасением. Между тем, со временем исчезновение СССР было почти на официальном уровне объявлено не неизбежно-спасительным актом, а величайшей катастрофой и/или «сговором трёх мужиков в Беловежской Пуще».

Он, предсказав распад СССР ещё до всякого Беловежья и указав на относительную благоприятность такого исхода для России, предупреждал о необходимости *постепенной* разметки границ между новообразованными государствами и пересмотра административных делений, произвольно проведённых на карте коммунистическими властями. И он уже предвидел нужду в чётких гарантиях прав меньшинств в новых государствах — как условие «развода». Совершили же всё второпях, согласившись на прежние произвольные границы и потеряв обширные российские земли, а о гарантиях для русских меньшинств не подумали вовсе.

Он (в другом месте) замечал, что Россия, в отличие от Соединённых Штатов, исторически не слагалась как *федеративный* договор отдельных государственных образований, и в соображениях 1990 года предлагал назвать новое государство — Российским Союзом. Назвали — РФ, «Эрефию», то есть федерацией Бог весть чего.

Он ратовал за вполне реальное численное сокращение бюрократии в освободившемся от окраин Российском Союзе («При новом порядке жизни 4/5 министерств и комитетов не станут нужны»). А теперешняя Россия обгоняет Советский Союз по количеству чиновников и дублирует управляющие инстанции (администрация президента и правительство, как прежде — подразделения Политбюро и соответственные министерства).

Он убеждал «не состраивать теперь для позорной преемственности новую РКП» (нынешнюю КПРФ), не принимать «всю кровь и грязь на русское имя». Не только «сстроили» под приветственные клики либеральных борцов против «охоты на ведьм», но и превратили в «левую» альтернативу существующему ныне режиму, в перспективе не менее опасную, чем он сам.

Он писал, что частная собственность на землю крестьянских хозяйств должна обеспечиваться необходимой инфраструктурой («свободный рынок, доступный транспорт, кредит, ремонт техники»), опасаясь при этом спекулятивной скупки земли и монопольного владения огромными угодьями. Всё было сделано ровно наоборот, и частнособственнической, фермерской России ныне фактически не существует, брошенные земли пустеют, а отдельные латифундии обрабатываются завезённой извне рабочей силой.

Он прокламировал свободу хозяйственного и культурного дыхания для провинции (в ногу с «сильным и всё растущим по весу самоуправлением») — взамен была выстроена жёстко централизованная пресловутая «вертикаль власти», которую пока лишь на словах призывают восполнить местными «горизонталями».

Он говорил, что устойчивое общество может быть достигнуто не на «равенстве сопротивлений» (на нынешнем языке: баланс интересов, «система сдержек

и противовесов»), но на сознательном самоограничении во имя нравственной справедливости. У нас же все силы ушли на поиски этих «сдержек и противовесов», пока не остались одни только сдержки и пока общество не стало судорожно искать противовес им на путях митинговой оппозиции.

Не прислушавшись ни к одной из рекомендаций и ни к одному из предостережений, мы оказались отброшены назад, ко времени, когда эти рекомендации и предостережения были впервые нам представлены, — но отброшены в худшем состоянии, духовном и гражданском, чем двадцать с лишним лет тому.

Хотим ли мы того или нет, но объективно мы сейчас стоим перед вопросом: «Как нам *переустроить* Россию?» И это даёт настоятельный повод перечитать труд Солженицына — не только вдохновенного пророка, но и трезвого *прогнозиста* — свежими, сегодняшними глазами.

В связи со сказанным решаюсь предложить для конкретного обсуждения следующие положения Александра Исаевича Солженицына.

1. «Государственное устройство второстепеннее самого воздуха человеческих отношений», — сразу упреждает нас Солженицын, и это особая тема (которая, надеюсь, ещё будет поднята). Однако, говорит он, «пришёл крайний час искать более высокие формы государственности», чем те, которые мы до сих пор пытались копировать с западных образцов. «Изначальная европейская демократия была напитана чувством христианской ответственности, самодисциплины. Однако постепенно эти духовные основы выветриваются, [пригибаются] диктатурой <...> групповых интересов. Мы входим в демократию не в самую здоровую её пору». В этих обстоятельствах российской демократии надо искать «свой путь».

2. Чтобы «не повторить хаос исторического Февраля», «государству, если мы не жаждем революции, неизбежно надо быть плавно-преемственным и устойчивым. Уже созданный статут потенциально сильной президентской власти нам ещё на немалые годы окажется полезным. Что-то в нынешнем государственном строе приходится пока принять просто потому, что оно уже существует». И автор предлагает не ломать, а — удивительное слово! — «*пересоставлять*» государственный организм. Устарели ли эти советы в сегодняшних условиях? Мнения могут резкоделиться. От себя смею заметить, что сегодня я уже не так уверена в пользе сохранения института президентства в том его виде, как он оформлен Конституцией 1993 года. Конституционная монархия в сочетании с парламентом, формирующим правительство, была бы наилучшим для страны, но пока, к сожалению, чисто теоретическим планом переустройства.

3. «Что значит «пересоставлять»? Ответ автора: «Наш путь к выздоровлению — *с низов*» (а не с демонтажа всего государственного строя) — «терпеливо и настойчиво расширять права местной жизни». Солженицын эскизно описывает «порядок построения институтов свободы *снизу*» при временном сохранении «центральной власти в тех формальных чертах,

как она уже существует». Он называет этот принцип «демократией малых пространств» в её отличие от «централизованной демократии», достигаемой посредством знаменитой «четырёххвостки» — всеобщего прямого, равного и тайного избирательного права. Эта смелая постановка вопроса не может не стать остро дискуссионной, но её невозможно обойти, ибо в условиях почти повсеместного кризиса демократических процедур она уже не выглядит утопической.

«Парламент не может быть отвлечённо центральным», — считает Солженицын; высший законодательный орган должен формироваться путём многостепенного делегирования представителей с мест. Фактически это близко к идее «съезда советов», подмятой под себя и опороченной коммунистами. Но без них-то мы ведь ещё не пробовали?

Что касается расширения прав местного самоуправления (а вернее, реального возврата к нему), то мне, как и многим, кажется, что следует добавить сюда принцип выборности и (при определённых обстоятельствах) сменяемости судей и «шерифов». Солженицын, справедливо критикуя юрицизм западных демократий, недостаточно внимания, на мой взгляд, уделяет независимому суду, который мы сегодня совершенно утратили и оздоровление которого тоже можно начинать *снизу*. Стоит учесть, что старт «с мест», с муниципальных образований, не только совершенно легитимен в рамках существующей системы, но и поставлен (конечно, на словах) высшими государственными лицами в повестку дня. От общества требуется обеспечить и проконтролировать неподдельность такого переустройства.

4. Важнейший — и совершенно проигнорированный на всех участках нашего политического спектра — момент «посильных соображений»: «Никакое коренное решение государственных судеб не лежит на партийных путях и не может быть отдано партиям». Избирательная система на каждом её этапе — от уезда и выше — строится на выдвижении *личностей*, а не представителей партий и не на партийных списках. «На всех ступенях государственного представительства <...> воспрещается образование партийных групп. И, само собой, перестаёт существовать понятие «правлящей партии»».

Здесь автор дальше всего отходит от той системы политического устройства, которое мы чуть ли не поголовно и автоматически привыкли отождествлять с «демократией». Между тем Солженицын, следуя С. А. Левицкому, подчёркивает, что дух демократии заключается в уважении к человеческой личности и в наличии правового государства, а прочие исторические её черты — вторичны и факультативны. Наш почти четвертьвековой опыт фальшивой многопартийности и сколачивания «правлящей партии» из корпорации высших чиновников, топ-менеджеров и их обслуги уже мог бы убедить нас в справедливости солженицынских оценок.

На Западе прагматика многопартийности (на деле — двухпартийности, при коалиционной игре с «добавочными» малыми партиями) держится пока на

том, что избиратели имеют какие-то основания отождествлять свои интересы с той или другой из этих двух партий: по сути — неконсервативной и социалистической, как бы они ни именовались в разных странах. Двухчастный цикл их попеременного прихода к власти строится так: сначала страна богатеет при усилении экономической свободы, но одновременно и экономического неравенства, а потом недовольные последним избиратели вручают власть тем, кто ратрывает накопленный жирок, раздавая социальные выплаты (сегодняшняя Франция); следующий засим застой в экономике побуждает население снова обратиться к другой стороне двухпартийного расклада. (Возможно, мировая рецессия уже произвела необратимый сбой в этом механизме.)

Но для нашей ситуации заявление Солженицына: «интересы партий <...> вовсе не тождественны с интересами избирателей» — более чем справедливо. У нас никто не вникает в программы существующих партий (не слишком отличные одна от другой), никто не отождествляет с какой-либо из них даже свой «шкурный» интерес, не говоря уже о высоких идеалах, и голосование мотивировано либо довольно-таки жалкой харизмой медийных политических лиц, либо протестом против тех, кто уже дорвался до власти. Непродуктивность формирования власти на партийных началах за эти годы блистательно подтвердила прогнозы Солженицына. Это не значит, что, по его мысли, партии как добровольные политические объединения должны быть воспрещены; просто они не могут быть основой властного устройства.

5. Поэтому автор «посильных соображений» предполагает, как уже говорилось, многостепенную «земскую» (территориальную) систему выдвижения народных представителей на основании их личной репутации — систему, ведущую в три-четыре ступени к образованию Всеземского собрания (то есть парламента). Возможно, автор преувеличивает эффект тесного «соседского» знакомства избирателей с их выдвиженцами, что легко счесть естественным для деревень, посёлков и малых городов, но в той России, которую уже можно назвать урбанизированной, сетевые, виртуальные способы близкого ознакомления с личностями кандидатов могут преобладать над «соседскими» *вживую*. Однако сути дела это не меняет: принцип «земского» голосования за личность, укоренённую на территории данного уровня и там проявившую себя с достойной стороны, может оставаться в силе.

6. Этот способ формирования парламента Солженицын дополняет параллельной процедурой: для краткости назовем её сословно-цеховой. Автор отводит структуре, избираемой по этому принципу, роль «Думы» с совещательным голосом — как верховной моральной инстанции. Однако представляется, что совещательные функции, как правило, оказываются недостаточно весомыми (это видно и на примере нашей Общественной палаты, которая, не являясь совсем уж пустым симулякром, всё же мало что значит).

Представители «сословий» и «цехов» (фермеры, промышленники, военные, академические учёные,

юристы, члены художественных союзов, держатели малого и среднего бизнеса и проч.) могли бы иметь свою квоту выдвиженцев в парламент наряду с «земской» квотой. Их присутствие укрепило бы профессионализм парламента. (Уже имелся соответствующий краткий опыт, когда Горбачёв, желая получить на выборах Съезда Советов солидную квоту от КПСС, разрешил выдвижение и от других организаций, например от Академии наук. Тогда депутатами, с пользой для дела, стали Лихачёв, Аверинцев и др. — те, кто по партийным спискам, естественно, никуда бы не прошли, да и по земскому принципу, быть может, тоже.)

7. Президент, как предложено Солженицыным, выбирается всенародно, после выдвижения нескольких кандидатур на этот пост Всеземским собранием, «без изнурительной предвыборной кампании» — и на-

значает профессионально компетентный Совет министров. Всенародное голосование возможно также при возникающей в редких случаях необходимости плебисцита (референдума), и никаких других поводов прибегать к такому голосованию нет. Тем самым автор «посильных соображений» предлагает свести к нулю современные предвыборные «шоу» как знакомый по опыту способ циничного манипулирования волей электората.

Последняя главка солженицынских соображений называется «Давайте искать». Сейчас, когда, ввиду затянувшегося — и, возможно, надолго — кризиса власти и назревающего конституционного кризиса, открылся некий люфт не только для протестных выступлений, но и для общественного и политического творчества, хочется повторить эти слова: «Давайте искать!»

Сараскина Людмила Ивановна

Уважаемые коллеги, для нашего сегодняшнего круглого стола, может быть, не лишним будет вспомнить, что размышления Александра Исаевича на тему «Как нам обустроить Россию?» возникли не тогда, когда они стали публично известны, то есть не тогда, когда он сказал: «Бирнамский лес пошёл», а тогда, когда этот лес стоял ещё мощно и нерушимо, то есть двадцатью пятью годами раньше. Есть один документ, добытый, как говорят спецслужбы, оперативным путём. Известно, и это уже восемнадцать лет как опубликовано, что летом 1965 года у физика Н. И. Кобозева, друга Александра Исаевича, которого он часто навещал и с которым был весьма откровенен, была установлена прослушка, о которой Александр Исаевич ничего тогда не знал. Хотя он предполагал, что «под потолком» бывают прослушки, и старался быть осторожным, но именно об этой прослушке он в то время так и не узнал и только по возвращении из изгнания смог прочитать опубликованную расшифровку магнитофонной плёнки.

Итак, летом 1965 года прослушка была произведена, и крамольная плёнка поступила на службу в органы госбезопасности. В сентябре 1965 года был захвачен архив у В. Л. Теуша, который включал много разных текстов, это тоже многим известно, я не буду перечислять. И всё это вкуче — и прослушка, и архив — было тщательно проанализировано в спецслужбах, и тогдашний председатель КГБ В. Е. Семичастный пишет 5 октября 1965 года информационную записку в ЦК КПСС «О настроениях писателя Солженицына». Причём о захваченном архиве и о тех текстах, которые в нем имелись, ЦК и КГБ могли говорить открыто — и этой информацией широко пользовались. Например, захваченная пьеса «Пир Победителей» специально навязывалась многим писателям для чтения, чтобы компрометировать автора. Однако сведениями из оперативно добытой прослушки спецслужбы не могли открыто манипулировать, ибо скрывали, что

Людмила Ивановна Сараскина (в центре)

практика прослушек имеет место: говорить публично, что имеется прослушка, из которой ясно то-то и то-то, было невозможно. Тем не менее, совершенно очевидно, что те самые «настроения Солженицына», о которых шла речь в магнитофонной записи, всегда ими учитывались. Оперативное преимущество было у КГБ: в своих тактических действиях Солженицын, не знавший о пленке, исходил из того, что гэбэшники не догадываются о его планах, а они догадывались и его тактикой не обманывались. Кроме того, особо доверенным персонам, например К. Федину, возглавлявшему СП СССР, они наверняка давали точные сведения об истинных настроениях Солженицына.

Мне кажется, не только в связи с захваченными текстами, но и в связи с имевшейся в КГБ пленкой Семичастный, уже будучи отставным генералом, скажет, что писателя Александра Солженицына следует отнести к самой серьёзной категории противников советского режима. В эту формулу входит, в частности, и то,

что Александр Исаевич откровенно говорит на плёнке, в частности, о Ленине, о советском правительстве, о своей литературной тактике. Но там, на плёнке, есть фрагменты его высказываний и о будущем Советского Союза. Казалось бы, в 1965 году говорить о том, что Советский Союз распадётся, было немыслимо, невозможно. И я могу себе представить, как воспринимали те, кто прослушивал эту плёнку, кто её расшифровывал и делал из неё текст, как они это все могли читать! Вот этот фрагмент, с вашего позволения, я прочитаю его. «Высказывая мнение по национальному вопросу, Солженицын заявил: “Меня поражает, что либеральные русские люди не понимают, что надо расставаться с республиками, не понимают, что надо смотреть сознательно”, — и далее — “Либеральные люди. Я им говорю, что Украина — всё, должно отойти. ‘Нет, нет’. Ну, Украина — спорный вопрос. О правобережной, безусловно, разговаривать даже не о чем, пусть идет. А в левобережной по областям надо делать плебисцит и разделить по количеству населения. Но какой разговор — Закавказье, Прибалтика! В первый же день хотите — кто куда хочет, ради Бога! Только решите вопрос по финансовым расчётам. Что нам предстоит? Это будет ужас, если начнется развал у нас на Западе, да еще совместится с центральным! Я вообще не знаю, что будет. Полный развал. Интересно, что армяне, как и грузины... Это республика, которая подвергается такому жестокому контролю, как и многие другие. Допустим, как Прибалтика или Украина. А вместе с тем она достаточно самобытна и может избрать полурумынский путь. У армян есть течения, желание освободиться, как у румын”».

Хочу попутно сделать ещё одно замечание. Я сравнивала реальные тексты Солженицына, которые можно прочитать в их опубликованном, финальном виде, с тем, как они воспроизводились в документах ЦК. (Это всё дается подробно под рубрикой «совершенно секретно», иногда бывает просто анекдотично: уже во всём мире печатаются его произведения, и весь мир их читает, а у нас Андропов, который на посту председателя КГБ сместил Семичастного, докладывает в ЦК о содержании, допустим, «Архипелага ГУЛАГ» в формате «совершенно секретно». Сегодня это выглядит очень смешно.) Так вот, я хочу сказать, что всегда почти изложение выступлений Солженицына по сравнению с тем, как они реально существуют, смещается. Почему это они делали? Я не могу понять. То ли им самим было как-то не по себе, то ли они ёжились. Я несколько мест таких нашла, когда в материалах По-

литбюро или КГБ цитируется что-то из Солженицына и, как правило, цензурируются, выбрасываются самые острые и самые неприятные места. Это они делали не для читателей, не для публики, это они делали для себя, они друг друга так информировали. Допустим, отдел культуры ЦК направляет некий документ Брежневу и для Брежнева делает какие-то купюры, чтобы Брежнев не испугался. Причём там же написано: «Читать вкруговую». Значит, они сами от себя скрывали какие-то вещи. Совсем недавно я обнаружила одну смешную деталь. Наталья Дмитриевна, на днях я попросила у вас Послесловие к первому изданию «Августа Четырнадцатого», которое вышло в Париже в 1971 году. Я читала это Послесловие в изложении от Андропова — как он относится к только что напечатанному в Париже «Августу Четырнадцатого». Он цитирует текст, а я чувствую, что он что-то не договорил, что-то изъясил. Я взяла текст — точно, выбросил целую фразу, самую острую. У Солженицына в Послесловии сказано: «И верующие и неверующие согласятся, что когда Областное Управление Заготовок пишется с больших, а КГБ или ЗАГС — из одних больших, то для понятия, обозначающего высшую творческую силу Вселенной, можно было бы отпустить одну большую букву». Вот эту фразу КГБ убрало. Андропов направляет Брежневу секретный документ и выбрасывает из цитируемого фрагмента целый кусок. Я думаю, что и в расшифровке прослушки, по аналогии, могли содержаться более резкие вещи, более определённые и неудобные. Тут полно многоточий, быть может, какие-то слова даже им было трудно переварить.

Я не знаю, насколько это поможет нашему обсуждению. Ведь получается, что размышления Александра Исаевича о развале СССР родились не в 1990 году и не в 1987-м, а гораздо раньше — в 1965-м, когда Советский Союз стоял нерушимо. Но Солженицын думал об этом ещё тогда. Нужно ли нам это учитывать или не нужно, я не знаю, это мы все можем обсудить.

Цурганов. — Если я правильно понял, то Семичастный использовал слово *режим* применительно к советскому государству?

Сараскина. — Я цитирую: «Писателя Александра Солженицына следует отнести к самой серьезной категории врагов *режима*». Иногда он пишет: «советского режима», «советской власти», «советского строя» — это у него были синонимы. Режим, строй, государство, власть — это у него было взаимозаменяемо и особых стилистических оттенков не имело.

Цурганов. — Спасибо. Любопытно весьма!

Краснов Михаил Александрович

Вообще-то я выступать не собирался, пришёл послушать. И услышал, кстати, потрясающие вещи, о которых Наталья Дмитриевна говорила. Говорила она, в том числе, и о том, что в критических статьях обозначается довольно пошлым термином «творческая лаборатория». Но неважно, как назвать. Для меня это

было очень важно и очень поучительно. Поучительно — что человек пишет лишь о том, что у него «болит», т.е. такого рода работы не пекутся, они выстрадываются.

И вот удивительное совпадение: в 2010 году я опубликовал в журнале «Общественные науки и совре-

менность» статью под названием «Солженицынская парадигма государственности, или 20 лет спустя». Я ухватился в той статье-брошюре Солженицына только за одну тему, которой тоже болею. У Александра Исаевича она проходит как «одна из», а я её выделил — это тема местного самоуправления, точнее, значения того уровня, где живут люди. Я считаю (наивно, наверное), что всю русскую государственность нужно строить снизу. Во всех смыслах, в том числе в символическом. У меня такой образ возникает: начинать строить новое государство надо было (хотя никогда не поздно) не с ремонта кремлёвских дворцов, а с устранения совершенно позорных последствий советской жизни в виде бараков, в которых до сих пор живут люди. Я думаю, что деньги, которые ушли, уходят и уйдут на все эти помпезные имперские затеи в виде моста на остров Русский на Дальнем Востоке, Сочинской олимпиады, чемпионата мира по футболу и т.д., должны были уйти на этот уровень, где живут люди.

Хотел бы откликнуться на то, что ещё есть в этой брошюре, — некая нелюбовь Александра Исаевича к партиям. Вообще сейчас в ходу идея, что партии себя изжили, что наступает время непартийной политики. Если рассуждать абстрактно, я бы согласился. Особенно наблюдая за тем, какие у нас партии. Но если встать на реалистичную почву, то я не знаю, как можно выстроить политическую систему в рамках демократии без партий. Я не верю в выборы порядочных людей. Я верю, что порядочные люди есть, и в достаточном количестве. Но не верю, что путём выборов их можно «отсепарировать». Кстати, ещё И.А. Ильин говорил о внепартийном отборе элиты. Он поэтому отстаивал идею не демократии, а аристократии, но аристократии не крови, а духа. И у него есть даже план, как — тоже ступенчато — избирать лучших. Но как раз в это я и не верю. Сами посудите: у нас псевдопартии, т.е. скорее клубы какие-то, их и партиями даже нельзя назвать. Но это естественно — потому что нет политической конкуренции. А её нет, поскольку у нас так устроена система власти. Я это доказываю уже двенадцать лет. Собственно говоря, во многом партии и разлагаются именно поэтому. Но сейчас я хочу сказать не об этом, а о том, что люди у нас и не верят в партии, и выбирают по большей части не по партийным признакам. Но кого выбирают — посмотрите! Я никогда не поддерживал Путина, но могу понять, почему первым делом он стал зажимать региональную элиту. Вспомните, каких мы подчас имели губернаторов, мэров — криминальных авторитетов или, по крайней мере, связанных с ними. Так что не работает, к сожалению, модель выборов «просто честных людей».

Я недавно прочитал материалы очень интересно исследования: как русские и французские студенты престижных вузов представляют себе образ «идеального президента». Обнаружились поразительные вещи. В глазах наших элитных студентов это жёсткий человек, который должен держать Россию в ежовых рукавицах. (*Реплика из зала: «Достали».*) Совершенно верно, я про это и говорю; я говорю про наши мозги. (*Реплика из зала: «А у французоз?»*) У французоз главные качества: президент-патриот,

Михаил Александрович Краснов

президент-дипломат, т.е. умеющий строить отношения на международной арене, а также президент умный, образованный. К тому же глубинные интервью выявили, что в России и во Франции по-разному понимают патриотизм, ум, образованность, дипломатичность и т.д.

Теперь отрывочно обращусь к одной теме — к теме монархии. Вообще самая устойчивая демократия — в конституционных монархиях. И я до сих пор остаюсь её сторонником. В 2000 году в «Независимой» опубликовал большую статью «Конституционная монархия спасёт демократию в России». Но стали задавать вопрос: а кто будет у нас монархом? Да, это трагедия наша. Я не разбираюсь досконально, но знаю, что среди Романовых не всё ладно. К сожалению, нет определённого легитимного наследника, потому что прервали, обрезали эти нити. (*Реплика из зала: «Земский Собор».*) Земский Собор — да, я, кстати, тоже думал об этом и в статье об этом писал. Но кто-то здесь сказал — может быть, Наталья Дмитриевна сказала, — что в России немонархическое сознание, т.е. оно скорее вождистское, царцентристское, но не монархическое в высоком смысле этого слова. То есть мы готовы жить с диктатором — вот вам мнение студентов, — с царьком, с наполеончиком, но не готовы жить с легитимным монархом. Вытравили это из нас, одни учебники истории чего стоят. Монархия в общественном сознании — это что-то тёмное, что-то страшное. К сожалению, в конце восьмидесятых не было выдвинуто лозунга восстановления конституционной монархии в России. Хотя трудно сказать, много ли народу за ним пошло бы. Вот интересная иллюстрация. Юрий Батулин — помощник Б.Н. Ельцина — пригласил меня в 1993 году работать у него в аппарате. В сентябре 1993-го я подготовил проект записки: мол, стоит подумать о переходе к конституционной монархии. К моему удивлению, и Батулин направил её Ельцину, и сам Борис Николаевич ответил вовсе не отрицательно. Он лишь написал что-то вроде: «Россия сейчас этого не выдержит». Что он имел в виду, сказать сложно. Но меня, помню, тогда обнадёжило, что сама

по себе идея восстановления конституционной монархии отнюдь не чужда первому президенту.

Но я, наверное, ушёл уже в другую тему. Спасибо.

Солженицына. — Два слова по поводу соображений Александра Исаевича о том, что партии себя изжили. Это, конечно, самое слабое место, потому что — изжили, а что взамен? Но все-таки он не предлагал взамен избирать «просто честных людей»; он совсем не это говорил. Он предлагал заменить партии — в старых терминах — сословными группами, группами по интересам, профессиональными объединениями (не профсоюзами). Такие объединения, во-первых, очень естественны для людей, а во-вторых, они делают работу главы правительства осмысленной. Потому что эта работа (по координированию и распределению ресурсов страны между её хозяйствующими ветвями — не субъектами, а ветвями) приобретает сразу строи-

тельный смысл. Насколько это осуществимо — другой вопрос; мы с Александром Исаевичем это очень много обсуждали.

И насчет монархизма. Александр Исаевич считал, что даже если монархия лучше прочих форм правления, она совершенно нереальна в современной России, да и ни в какой стране, где большинство населения не верит в помазанность того индивидуума, который занимает трон. Без веры, что монарх, наследник, династия помазаны Богом на царство, монархия существовать не может. А такой веры в России при нашей с вами жизни мы не увидим. Вытравили её, не вытравили — это вопрос; я не знаю, верило ли в это раньше большинство русских людей. Но в любом случае, без веры в благословенность монарха все разговоры о монархии превращаются в политические игры сомнительного свойства.

Иванов Святослав Павлович

Яна полях статьи «Как нам обустроить Россию?» — бросал свои заметки и назвал их «Солженицын как национальный лидер».

Как же нам обустроить Россию? Интересно, кто бы взялся сегодня предугадать, когда для нашей страны этот вопрос перестанет быть актуальным? Одно ясно: в десятилетия мы не уложимся. Вот почему эту статью Солженицына и сегодня нельзя читать без внутреннего волнения, без ощущения какой-то обречённости и бессилия. Именно бессилия от осознания того обстоятельства, что в России все умозрения зачастую оказываются бесполезными. И надо сказать, что явно слышимая острая тревога автора за Россию — это наиболее актуальная часть статьи. Этой тревоге созвучен алармизм и большинства нынешних неангажированных аналитиков, слегка заглушённый «сурковской пропагандой». И сегодня наша тревога имеет ещё большие основания. Так, в начале своей статьи Солженицын упоминает «наши ранние смерти». А ведь согласно докладу ВОЗ, в России 1990-х ситуация в этом отношении была даже чуть лучше, чем в 2000-х. В 1990-м ожидаемая продолжительность жизни мужчин составляла 63 года, а в 2000-м — 58 лет; продолжительность жизни женщин в 1990-м достигла 74 лет, а в 2000-м снизилась на два года. По сути, в 2009 году Россия смогла просто вернуться к показателям девяностых, и никакого демографического бума не произошло.

Восклицание Александра Исаевича, что, несмотря ни на что, для русского человека нет ничего важнее и «первей нашей национальной гордости», на мой взгляд, требует отдельного комментария. В начале статьи автор написал буквально следующее: «Таков человек: ничто нас не убедит, что наш голод, нищета, ранние смерти, вырождение детей — что какая-то из этих бед первой нашей национальной гордости!» До 1990 года нашего человека действительно воодушевляло чувство причастности к повороту мировой

Святослав Павлович Иванов

истории, в котором его страна играла заглавную роль. Так воспитанная коммунистами «гордость советского человека» трансформировалась в перестроечный пафос. Казалось, не только Советский Союз, но и мир стоит перед возможностью более справедливого — как внутреннего, так и международного — устройства. Солженицын пишет: поскольку национальная гордость «первей», то он вынужден «начинать не со сверлящих язв», «но с ответа: как будет с нациями?» Однако вынужден, я думаю, главным образом потому, что к тому времени некогда братские народы один за другим стали вываливаться из, по выражению Розанова, «тёплого рукава» империи. Напомним: 15 января 1990 года в Нагорный Карабах были введены войска; 18 января Азербайджан объявил войну Армении; 19 января, во время ввода войск в Баку, погибло 125 человек. В начале марта объявила о независимости Литва, и туда вошли советские танки; 23 марта Эстония приостановила действие на своей территории

Конституции СССР. Присягнувший на ней в качестве президента СССР Горбачёв уже выглядел фигурой весьма условной. Тем более что вскоре, 6 июня, российский парламент голосует за приоритет российских законов над всесоюзным законодательством. А 12 июня РСФСР официально провозглашается суверенным государством.

Статья была закончена в июле 1990 года. А 14 августа президент СССР Горбачев издаёт указ о реабилитации жертв сталинских репрессий и о возвращении гражданства высланным из страны диссидентам, включая Солженицына. «Как нам обустроить Россию?» была опубликована в «Комсомольской правде» 18 сентября.

Надо отдать должное Александру Исаевичу: в то время никто не дал себе труда — да и не смог бы в этом воистину обвале и «на последнем докате» — высказаться столь широко и столь подробно по всем аспектам строительства новой России. Пожалуй, никакие тезисы статьи, кроме тезисов по национальному вопросу, не устарели. Многие и сегодня воспринимаются как задание на завтра. Потому что по большому счёту ни одна из затронутых автором проблем не решена до конца.

Конечно, обращение Солженицына в 1990 году прежде всего к национальному вопросу было продиктовано не тем, что этот вопрос, по его мнению, для массового сознания был «первей». На самом деле большинство населения и в то время в первую очередь было озабочено хлебом насущным. Но Солженицын сознательно обострил этот вопрос, поставил его на первое место, потому что видел и чувствовал: развал Союза болезненно отзывается в сердцах русских людей, гордящихся широтой страны. В отличие от других национальных образований РСФСР была единственной республикой, где национальные силы как таковые не оказывали никакого влияния на политическое руководство. Русские, будучи цементом, скрепляющим громадную постройку Советского Союза, оказались самыми бездомными и неприкаянными при крушении красной империи. Ностальгия по большой стране, чувство тревоги за соотечественников, оставшихся за пределами РСФСР, агрессивная русофобия в бывших братских республиках — всё это дезориентировало русских людей, в большинстве своём истовых интернационалистов, воспитанных в «дружбе народов».

Солженицын первым ясно и внятно сказал: Союз всё равно развалится! На его удержание у русских не хватит ни сил, ни ресурсов! Спасайте Россию! Эта главная его мысль многих вывела тогда из имперского ступора и открыла возможность движения в сторону национальной России. Почему мы до сих пор не перешли — всерьёз и надолго — именно к этой повестке дня, к построению именно национальной России, вопрос отдельный. И ответ на него мы находим опять-таки у Солженицына. Своим заклинанием «Нет у нас сил на империю!» он, по сути, подтолкнул тогдашнее ельцинское руководство к сдаче всех позиций, к безоглядному бегству в искусственные границы РСФСР, где русские до сих пор остаются тем же скрепляющим цементом. Почему, обозначив Казахстан как территорию, кото-

рая состоит наполовину из Южной Сибири и Южного Урала и населена больше чем наполовину русскими, Солженицын не поставил ясный и четкий вопрос о разделе этой республики? Упомянув собственно казахскую часть областей Казахстана, автор прекрасноразумно заявил: «И коли в этом охвате они захотят отделиться — то и с Богом». Александр Исаевич явно недооценил этнократические силы в республиках, которые, при попустительстве либеральной российской власти и при отсутствии собственно русского национального движения, забрали себе то, что им никогда не принадлежало. А ведь если бы в своё время в полный голос было заявлено, что по крайней мере южный Казахстан и полуостров Крым подлежат возврату России, то во всяком случае исход русских из национальных республик не был бы таким скоротечным и трагичным. Дело ведь не в территориях, а в людях. В главке «Процесс разделения» Солженицын, высказав мнение о «нашем отделении» от нежелательных соседей, подчеркнул, что процесс этот «нельзя произвести одномоментной декларацией». Но именно так и случилось. Для реального сценария раздела ни уточнения «по истинному расселению», ни «местные плебисциты под беспристрастным контролем» негодились.

Именно в этом месте, на мой взгляд, автор неожиданно для себя впал в противоречие. Нельзя же, в самом деле, одновременно выказывать безбрежную уступчивость партнерам по Союзу, неистово и поспешно срывать с себя имперскую обузу и налаживать «безболезненную разёмку народных хозяйств». Кто бы проводил эти плебисциты, если бы заглавная республика безоговорочно отказалась от своего имперского водительства? Руководителям Эрэфии даже в голову не пришла мысль позаботиться о миллионах соотечественников, вдруг ставших чужими на празднике самоопределения национальных окраин. Солженицын, к сожалению, ясно не обозначил, что РСФСР как республика, наследующая империи, была обязана стать главным арбитром бракоразводного процесса. Ведь многое тогда решалось не исходя из интересов русского разделённого народа, а по логике борьбы ельцинского руководства с союзным центром. Недавно, кстати, бывший председатель Совета национальностей СССР Рафик Нишанов признал: если бы Ельцин оказался на месте Горбачёва и развернул свою деятельность в другую сторону, то Союз, пусть и не в прежних границах, но сохранился бы. Ельцин же своим поведением, по сути, вытолкнул из Союза и те республики, которые не думали его покидать, и те, с которыми мы не хотели расставаться, не озаботившись положением в них русских людей. Что касается Украины, то Солженицын недооценил силы и средства украинского национализма, имеющего мощную зарубежную поддержку. Украинская националистическая элита, опирающаяся на идеологию, историю, на мучеников и пророков самостийничества, поставила себе целью любыми средствами добиться независимости. Ценой даже отказа от экономической интеграции с Россией. А пророссийские силы на Украине проиграли ещё и потому, что сама Россия к тому времени не была образцом для подражания и равнодушно взирала на стремление

окраин к русскому единству. Таким образом, и чаемый Солженицыным Российский Союз без двенадцати республик не состоялся. А империя, которую мы гнали в дверь, сегодня возвращается в окно. И никуда мы не денемся, если не хотим на своих границах получить натовские форпосты наподобие Грузии — от поддержки бывших братьев по Союзу. Империя — судьба России. В других формах, но имперская Россия существует.

Хотя в рамках Российской Федерации уже давно и остро стоит вопрос о выживании русской нации. Нынешний президент Владимир Путин наконец-то услышал голос вымирающей Центральной России и недавно предложил поощрять рождение детей именно в русских депрессивных регионах. Владимир Путин поручил Минздравсоцразвития РФ подготовить предложения по реализации программы поддержки рождаемости в регионах «со сложной демографической ситуацией», таких, как Дальний Восток, Поволжье, европейская часть России. Будет введено пособие семьям при рождении третьего и последующих детей (программа должна быть запущена уже со следующего года). Не Бог весть какое благодеяние (редко какая семья в наших условиях решится рожать третьего ребенка), но всё-таки. Ведь до сих пор огульная поддержка рождаемости приводила к ещё большему национальному перекошу не в пользу русских. Подчеркну, что это, пожалуй, первые и единственные пока шаги центральной российской власти в сторону русского большинства. В остальном же, перефразируя известное выражение Радищева «крестьянин в законе мёртв», мы с полным правом можем сказать: русский, как представитель самого многочисленного пока народа, в основном законе страны мёртв. В отличие от татар, чеченцев, башкир и якутов, у него нет своей государственности. Еврей в автономной области, ингуш в Ингушетии чувствуют себя представителями титульной нации, а русский в Воронежской области обязан быть россиянином. А случится ему заявить свои права именно как русскому, для него уготованы 282-я статья УК и дубинка полиция из центра по борьбе с экстремизмом «Э».

Ныне как-то неудобно читать в статье главу «Слово к малым народам и народностям». И здесь Александр Исаевич готов отпустить всех на волю, не оговорив интересы русских; с каким-то даже сочувствием он пишет о татарах и башкирах, которые в случае отделения будут «вкруговую охвачены» другим государством. «У иных национальных областей — будет внешняя граница, и если они захотят отделяться — запрет не может быть и здесь». Как тут не вспомнить знаменитое заявление Ельцина в Уфе 6 августа 1990 года: «Берите сувенир столько, сколько сможете проглотить», — и последующие кровавые чеченские войны. Такими заявлениями мы ввели в искушение чеченского волка, и он не преминул воспользоваться слабостью русского медведя. А как бы сегодня среагировали товарищи по фан-клубу убитого в Москве Егора Свиридова на цитируемое Солженицыным высказывание философа Владимира Соловьёва: «Люби все другие народы, как свой собственный»? Впрочем, ещё в XIX веке отмечалось,

что многие русские зачастую охотнее любят дальних, чем ближних. (Замечу, что доля титульной нации в населении Чечни выросла с 57,8% в 1989 году до 95,3% в 2010-м. За период с 1989-го по 1998 год численность русских в Чечне и Ингушетии, по-видимому, из-за большой любви к ним титульных наций, уменьшилась, по разным оценкам, почти на 266 тысяч человек. Ныне Чеченская республика де-факто живет независимой жизнью, хотя де-юре и является частью России.)

В последнее время очень много пишут об оценках личности Солженицына в знаменитых «Дневниках» отца Александра Шмемана. Суть расхождений этих двух людей в том, что для Солженицына высшая ценность — Россия, а для о. Александра — Церковь. Они как бы стоят во главе двух религиозно-социальных и культурно-исторических парадигм, двух живых, по определению современного русского философа В.А. Бачинина, потоков жизни, составляющих условие существования сильного российского государства и здорового гражданского общества. Скажу прямо, что, при всём моём уважении к о. Александру Шмеману, мои симпатии — на стороне Солженицына. Последняя дневниковая запись о. Александра от 15 ноября 1979 года, в моём понимании, звучит не упрёком, а высшей похвалой великому писателю. «Мне вдруг стало ясно, что той России, которой служит, которую от “хулителей” защищает и к которой обращается Солженицын, — что России этой нет и никогда не было. Он её выдумывает, в сущности, именно творит. И творит “по своему образу и подобию”, сопряжением своего огромного творческого дара и... гордыни». Но русским другого пророка и мыслителя и не дано! Ведь кто возьмётся определить, какая она — реальная, наличная Россия? «Есть соответствие, — писал Н.А. Бердяев, — между необъятностью, безграничностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безгранность, устремлённость в бесконечность, как в русской равнине. Поэтому русскому народу трудно было овладеть этими огромными пространствами и оформить их. У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы». Александр Исаевич, собственно, и предложил некие формы, в которых может структурироваться хаос русской жизни. Но и сегодня всем нам кажется, что русское будущее так же непредсказуемо, как и двадцать лет назад. Россия Солженицына — один из самых привлекательных и один из возможных проектов, который должен стать привлекательным не только для горстки интеллектуалов. Чтобы «сказка стала былью», нужна большая вера, нужно содружество и сотворчество всех здоровых сил нации.

После этого я бы с удовольствием поразмышлял на тему, почему «анти-Ленин», как назвал себя сам Солженицын, уклонился от политической борьбы. Кстати, задолго до появления статьи «Как нам обустроить Россию?» западная пресса уже окрестила Солженицына «русским Хомейни». Почему же он, будучи духовным национальным лидером, не стал её политическим вождем? Почему не попытался возглавить русское на-

циональное движение, которое, по сути, было отдано на откуп маргиналам? Кстати, в 1944-м, перед арестом, капитан Солженицын призывал своих единомышленников беречь силы для активной борьбы после войны. Так почему после крушения «бетонной постройки коммунизма» он не попытался не только словом, но и делом обустроить Россию? Кому он адресовал свое послание в 1990 году? Может быть, надеялся, что в ответ поднимется некая общественная сила, которая и станет субъектом истории, воплощая в жизнь план Солженицына?

Ясно одно: довольно скоро Александр Исаевич разочаровался и в новых правителях России. В 1998 году он был награждён орденом Святого Андрея Первозванного, однако от награды отказался, заявив: «От верховной власти, доведшей Россию до нынешнего гибельного состояния, я принять награду не могу».

В заключение зададимся вопросом: был ли Солженицын русским националистом? Что сдерживало его чувство «национальной гордости великоросса»? По свидетельству того же о. Александра Шмемана, в разговоре писатель высказывался на национальные темы гораздо смелее. Но в свое время он категорически отверг — из дипломатических, скорее, соображений — клеймо «крайнего русского националиста»: «Я — вообще не “националист”, а патриот. То есть я люблю своё отечество — и оттого хорошо понимаю, что и другие тоже любят своё...»

Но почему же к концу жизни он, без оглядки на советский страх перед национализмом, прямо не заявил, что именно нация содержит тот двигатель, который запускает возрождение государства? Думаю, совсем не случайно на рабочем столе Солженицына осталась неоконченная статья с говорящим названием «Беглецам из Семьи». Вот несколько набросков из нее:

«Что есть Народ (или, по-западному, Нация)? Исконными связями (кровной и душевной) единая Семья, весьма обширная по численности и длительная по существованию».

«Многие и многие годы нам было естественно: представляя себя, объяснять: “я — русский”, “мы — русские”. Но уже в раннесоветские годы это воспринималось осудительно или даже с подозрением в контрреволюции (тогда — всю русскую историю рисовали как позорную).

И так было — до годов грозной войны, когда власти в панике всё опрокинули наоборот.

Но сегодня та же память “мы — русские” снова стала раздражать слух в Обществе. Впрочем, запретность легла не на нас одних: и всякое упоминание о национальной принадлежности считается ныне позорным.

А история нашей Планеты показывает нам напротив: как и после трёхтысячелетнего рассеяния по Земле — духовно стойкий еврейский народ — ощущает, хранит и защищает своё национальное сознание ещё страстней, чем религиозное единомыслие».

И еще цитата:

«Нам теперь настойчиво вталкивают рекомендовать: “мы — россияне”. То есть найти себе опору не в духовном наследном сознании, а — по признаку теперешней федеральной принадлежности? Странная зацепка.

<...> Или, может, “мы — рас-сияне”? — то есть рас-терявшие сияние душевного света? По нашему сегодняшнему реальному состоянию — да, именно так».

Для 2008-го, года смерти писателя, это ещё актуально, но уже не остро. И понятно, что Солженицына в контексте русского национального движения можно назвать предтечей, но не мессией. Его идеи по обустройству России будут востребованы. Они, повторю, не потеряли своей новизны и правоты. Но воплощать в жизнь их будут русские люди, для которых национализм уже стал как минимум нейтральным понятием. Сегодня полным ходом идёт русская этническая мобилизация, и в недалекой перспективе Российская Федерация станет всё-таки государством русского народа, о чём, собственно, и мечтал Александр Исаевич Солженицын. Сошлюсь здесь на авторитетное мнение. Как считает доктор исторических наук А.И. Минаков, «имперский космополитический или интернационалистический потенциал исчерпан. А идентификация по национальному признаку только набирает силу». Если процесс «национализации» искусственно сдерживать, то не исключено, что это будет чревато серьёзным конфликтом между значительной частью населения и полиэтничной элитой. Минаков полагает, что «внутренние условия для создания национальной государственности созрели». Ну а какой будет эта государственность — авторитарно-шовинистической или демократической, — зависит от всех нас. В том числе и от того, насколько успешно мы усвоим уроки Солженицына.

Зибницкий Эдуард Валентинович

По самым первым строкам знаменитой статьи Солженицына 1990 года мы можем понять, что же изменилось с того времени. Ответ лежит на поверхности: сам жанр статьи «Как нам обустроить Россию?» уже принадлежит прошлому. И об этом нужно задуматься в первую очередь. Кому-то это утверждение может показаться неочевидным: на тему обустройства России всё ещё говорят и пишут много, причём даже с очень высоких трибун. Но принципиальным отличии-

ем является то, в каком контексте был написан этот монолог.

Он писался в ту мимолётную эпоху, когда литературное, да и всякое гражданское слово действительно имело вес, вызывало общественный резонанс, воспринималась живо и отчётливо; когда голос бывшего эка, диссидента, самиздатского классика Александра Солженицына был голосом альтернативной, подспудной России. Его слово пришло извне, из пространства,

Эдуард Валентинович Зибницкий

находящегося по ту сторону государственного официоза и его вербальных практик. И пришло оно до политических технологий, до «креатива» пиар-кампаний, до постсоветского новояза... К кому обращается писатель? К России не разделенной, к нации, которая осознала неизбежность перемен и стоит на перепутье. Казалось, что с доводами здравого смысла согласятся все (а на деталях автор и сам не настаивал). «Все» — это и управленцы разных уровней, и государственные мужи, а не только «антисоветская» интеллигенция.

Но всё-таки и тогда это было единство лишь в переживании «обвала», в ожидании нового, ещё неведомого этапа. Сейчас же в России попросту отсутствует сам адресат солженицынского послания. И появился подобный документ сейчас — пусть с поправками на эпоху, с самой детальной и взвешенной программой, — стал бы он сенсацией, различили бы голос автора среди других голосов?

Примеряя к современности солженицынские тезисы 1990 года, мы видим: местное самоуправление не работает, потому что слишком зависит от центра, от властной вертикали; малый бизнес с трудом находит себе дорогу; об истинных масштабах гиперконцентрации капитала можно только догадываться. Образование, которому писатель придаёт особое значение, едва ли похоже на одно из приоритетных направлений... Наконец, всё ещё остро актуальна тема *выбора национальных приоритетов*. «Это вреднейшее искривление нашего сознания: “зато большая страна, с нами везде считаются”», — пишет Солженицын, и добавляет: «Надо теперь жёстко в ы б р а т ь: между Империей, губящей прежде всего нас самих, — и духовным и телесным спасением нашего же народа»... Однако чуть миновал призрак голода, потекли в кремлевские карманы нефтедоллары, и вот уже новые амбиции по воссозданию Советского Союза: военные операции на Кавказе, интриги против Эстонии, Латвии, Грузии, Украины; и вновь, вполне в советских традициях, мобилизация масс, особенно молодёжи, под знамёнами сталинской империи. И дело не только в материальной цене «имперского проекта», о которой говорил Солже-

ницын с такой тревогой и болью за надорванные народные силы. Дело в глубоком перекосе сознания, без исправления которого пути вперёд нет. В отношении к идеологическому и политическому наследию Советского Союза массовое сознание всё ещё находится в плену ложного имперского пафоса. То есть в определённой системе координат, где власть — это «батяня комбат», а не нанятый менеджер, оппозиция — предатели, агенты западных спецслужб, а идеи свободы и демократии — вражеская пропаганда с целью ослабления противника.

И вот что ещё хотелось бы добавить по тексту статьи. Несмотря на уверенный тон, с каким Александр Исаевич начинает свое введение в науку обустройства посткоммунистической России, он больше задаёт вопросов, чем даёт ответов. Во второй части письма, где начинается политико-административная конкретика, нет вопросительных знаков, но они маячат между строк: оперируя понятием Воля Народа (именно с большой буквы, что принципиально), писатель подошёл к бездне демократии и остался стоять в нерешительности. Как выразить Волю Народа, как её определить, как преодолеть партийную ограниченность и корыстную заинтересованность группы? Чувствуется, что сам Солженицын не очень верит в решаемость этих задач. Недаром он говорит — и справедливо, — что всякий строй будет хорош при порядочных отношениях между людьми, но ведь политика — это искусство уживаться с *непорядочными* людьми, из их «по умолчанию» присутствия в обществе она исходит... Собственно, и демократию он признаёт условно, как меньшее зло.

Солженицын остаётся представителем романтизма, который в народе, в нации видит индивидуальный организм, личность. Увидев воочию страшный лик беспрецедентного в истории тоталитаризма, почвенник Солженицын судорожно кидается на Запад, но и там боится свобод как причины размытия, атомизации, подмены этого единого, индивидуального организма нации. Отсюда эта его мысль: без самоограничений страна не устоит. Но уж очень велик может оказаться соблазн начать «спасать нацию», вводя самоограничения по Воле Народа. Поэтому Солженицын делает ставку на местное самоуправление и ступенчатый отбор управленческих и представительских кадров снизу доверху: придумывает какие-то институты из «лучших» людей, вводит сословное представительство — хотя и в сословном представительстве брезжит та же опасность лоббирования корпоративных групп... Ни одна система представительства не кажется ему самодостаточной. Всё рассыпается, готовая *форма* ещё не гарантирует слаженной её работы — и это тоже предвидел Александр Исаевич в будущей постсоветской России.

Да, не всякая система работает. Живительна и спасительна только внутренняя жизнь народа, его культурный, гражданский потенциал, который и нужно освободить; и именно гражданское пробуждение его остается сейчас самой актуальной задачей. Спасибо.

Гальцева Рената Александровна

Отвечать на ту развёрнутую пропаганду национализма, которую мы слышали из уст Святослава Павловича Иванова, я не буду, потому что история настолько давняя, вся перетёртая, пересказанная и коренится в произволе язычески настроенного сердца, что логические доводы тут не действуют — всё и так ясно. Может быть, моё сообщение ответит на вопрос: почему в России эти настроения растут?

До сих пор речь здесь шла о социально-политическом устройстве России по Солженицыну. Как упоминала Ирина Роднянская, на последней, декабрьской, конференции в честь Александра Исаевича я и сама выступала с пленарным докладом как раз на эту тему, сосредоточившись на сравнительном анализе проекта, изложенного в работе «Как нам обустроить Россию?», и — на реальной истории страны последних десятилетий. В конечном итоге я пришла к выводу, что по всем главным пунктам эти два пути противоположны.

Однако есть тема, которая не занимает внимания аналитиков. Между тем, в работах Александра Исаевича (в той же «Как нам обустроить Россию?»; в статьях «Русский вопрос к концу XX века» — «Новый мир», 1994, № 7, и «Россия в обвале», в других текстах рубежа веков) автор ставит её во главу угла. Афористически эта тема выражена в названии газетного интервью 2000 года: «Духовное падение гораздо страшнее физического» («Литературная газета» от 23—30 мая). Солженицын рассматривает её решение как предпосылку, как необходимое условие, *conditio sine qua non* остальных преобразований, в том числе и как залог «крепости» самой государственной системы. А такая система прочна, цитирует Александр Исаевич В. О. Ключевского, «только тогда, когда держится на силе нравственной» («Как нам обустроить Россию?»). Для этого в качестве моральной инстанции автор в своём проекте «обустройства России» в дополнение ко Всеземскому собранию (будущему Парламенту) учреждает совещательный орган по сословно-цеховому принципу, Соборную Думу, которая «осуществляла бы этический контроль» над действиями государственной власти. (Теперь мы особенно убедились, что совещательных полномочий тут мало — нужны законодательные. Впрочем, это уже отметила Роднянская.)

В «Обвале...» Солженицын пишет: «Губительнее нашей нужды — развратная пошлость, изрыгаемая на нас из всех телевизионных ящиков».

С тех пор, за прошедшее двенадцатилетие, духовный хаос заметно прогрессировал. На первый план сегодня выходит *трагическое положение* простого человека в России (и не только в ней), оказавшегося между Сциллой и Харибдой, между двумя полуправдами, а значит, между двумя худшими неправдами: между пропагандой личной свободы, доведённой до потрясения всех оснований, и — защитой традиционных основ жизни и культуры (на которых как раз возросла вся европейская цивилизация), — защитой, сочетающейся с коммунистическим лжепатриотиз-

Рената Александровна Гальцева

мом и ностальгией по советскому прошлому. Простой человек, у которого ещё сохранились, скажем, «атавизмы» нравственного чувства, стыда и здравого смысла, но который не обладает навыками идейного аналитика, вместе со взятыми под лицемерную защиту КПРФ понятными ему традиционными нормами жизни получает в комплекте, в аномальном сращении и её партийные идеалы.

На другом полюсе — другой коварный симбиоз. Речь идёт об охватившем прогрессивную интеллигенцию новейшем мировоззрении (всё именуемое либерализмом, понятием, которое нужно выхватить из плюралистического котла и очистить от чуждых наростов). Это мировоззрение пропагандирует священные (кто спорит?!) права и свободы человека, но вместе с тем внедряет в сознание установку на безграничное «рассвобождение человека» (по Солженицыну, «своевольщину»), т.е. на избавление от всех стесняющих его моральных, эстетических и жизненных норм, на месте коих воцаряются теперь нормы аномальные. Парадокс в том, что христиане в своей массе встали по другую сторону от свободы, принесённой в мир Христом, а интеллигенция — по другую сторону от приверженности Логосу, т.е. истине.

Но если первый клубок наматывался в свободной атмосфере новой России, при отсутствии всякой официальной рефлексии над недавним прошлым и его исторической оценки (из-за срыва предпринятого Ельциным процесса декоммунизации — по примеру

денацификации в Германии, — освободившей её от былых чудовищ; из-за срыва процесса, который очистил бы нашу страну от идолов коммунистического режима, наложив запрет на пропаганду ленинско-сталинской идеологии), то распутывание второго клубка, т.е. второго противоестественного симбиоза идей личной суверенности и, с другой стороны, подрыва смыслового фундамента европейской ойкумены, — уже не государственная прерогатива. Это — забота общества в лице его критического аналитика, его цензора и ревидора — рефлектирующей интеллигенции. Но она не сможет выполнить эту функцию, если только не совершит подвиг самопокаяния, подобный веховскому, и не будет способна изобличить свою собственную идеологическую одержимость радикальной перекройкой человеческого мира.

Между тем без рассеивания морока, без рассечения кентавров и пересоставления половин правды — личной свободы и смысловых начал человеческого и общественного бытия, чтобы они, принадлежащие друг другу по рождению, объединились в одно целое, — невозможно преодолеть в России «кризис сознания и нравственности» («Русский вопрос...»).

Обидно, что нет такого угла, где можно почувствовать себя среди своих. Жаль, что в среде отважных свободолюбцев, белоленточников если и чувствуешь себя единомышленником, то в качестве временного попутчика, как «двух станов не боец, а только гость случайный». Ибо, как, скажите, следовать по бульварам в шеренге актуальных художников, до этого перекорёживших, кажется, всё, что только можно, и самой художественностью, в чьих экспонатах мир предстает как «чудище обло, озорно... стозевно и лайй»? Или как влиться в колонну за бульварной телеведущей из «Дома-2»? Тут простая брезгливость не позволит. На днях ведущие дамы на «Эхе Москвы» (политически мне, в общем, симпатичном) задалась судьбоносным для них вопросом: «Может ли литература научить свободе?» А чему-нибудь ещё? Хотя бы добру, по Толстому? Я уже не говорю — образованности, приличиям, хорошему тону... Нет, из всех достоинств и «качествований» человека для передового культуртрегера есть только одна уникальная ценность — агрессивное «рассвобождение» (которое под флагом защиты прав и свобод наступает на права и свободы большинства). И оно берёт всё новые и новые, по сравнению со временем Солженицына, рубежи. Сегодня мы стоим на пороге окончательного свержения семейных норм и замены их аномальными, извращёнными человеческими отношениями. А почему бы завтра не начать поход за еще большее «рассвобождение» — от сковывающих пут антипедофильских предрассудков?! (Затесался ненароком в неолиберальный кодекс ещё и «национальный вопрос», но это отдельный разговор.)

Нетрудно заметить, какой вектор выбрала сегодня раскрепощающая свобода. И в жизни, и в искусстве она явно сконцентрировалась на «телесном низе», будто культурный прогресс идет под слоганом из «Бобка» Достоевского «Заголимся и обнажимся!».

Вот и мучит вопрос: неужели свобода дана нам для разврата?

Свобода многогранна, но несвобода тоже; в каждое время она оборачивается своей стороной. Ныне человек, рождённый в мир, сразу попадает в агрессивную среду, которая угнетает его брутальными образами и оглушающими звуками, сызмальства деморализуя его.

Завет Солженицына: «Мы должны строить Россию нравственную или, — прибавляет он не без вызова, — уже никакую». Но на каких путях? «Поможет ли нам православная церковь?» — размышляет он в статье 1994 года «Русский вопрос...». Автор трезво оценивает состояние русской церкви, подорванное большевистским разгромом и наследственной «трёхвековой покорностью государственной власти», в результате чего она «потеряла импульс сильных общественных действий». Как совпадают мысли автора в Письме 1972 года патриарху Пимену, где он пишет о стоящем перед церковной иерархией выборе между «правотой силы» и «силой правоты» («Публицистика. Статьи и речи», Париж, 1981, с. 121), с мыслями Владимира Соловьёва о неисполнении ею своей христианской миссии и соблазне властью в его статьях «О духовной власти в России» и «Об упадке средневекового мирозерцания», а также в письме 1891 года председателю Синода К. П. Победоносцеву, где он призывает могущественного адресата одуматься и прекратить политику насильственного распространения казённого православия, наводящего на нашу землю египетские казни (разразившийся голод)! Два письма, столь отдалённые во времени и столь схожие по духовной силе и напряжённой страстности, свидетельствуют и о неизжитых болезнях русской церкви, и о едином представлении, как по-христиански обустроить Россию.

Так что же делать? Надежду на выход из духовного кризиса Солженицын возлагает на «здоровое ядро» людей, которые, «возрастая, взаимовлияя, соединяя усилия, постепенно оздоровят нашу нацию» («Русский вопрос...», с. 176). Бесспорно, это так. И всё же, каков бы ни был сегодня имидж Московской Патриархии — как-никак, хранилища христианского учения, «восстановить в себе... христианские черты», как пишет Александр Исаевич в том же письме Патриарху (с. 121), без здоровых сил церкви (а такие есть) вряд ли возможно. Но и без участия образованного сословия дело тоже вряд ли сдвинется с места.

Помня об оставленном нам наказе Солженицына, можно предположить его исполнение на путях соединения усилий двух сторон: *интеллектуальных сил церкви и христианских сил интеллигенции*, способных по примеру Ирины Лионского разоблачить «лжеимённое знание» неолиберальной идеологии как гуманистической ереси новейших времён. (Это предложение в более подробном виде я уже излагала публично и устно, и письменно, и даже получила отклик из клерикальных кругов, как-то растворившийся затем в потоке времени.) Но это обращение — и ко всем нам, сидящим в этой аудитории. Спасибо.

Сараскина Людмила Ивановна

Я прошу второй раз дать мне слово, чтобы попробовать порассуждать: будет ли воспринята статья «Как нам обустроить Россию?» в современном всероссийском обсуждении как актуальная. Конечно, говорить о том, распадётся Советский Союз или не распадётся, поздно — мы живём в той реальности, которая есть. Сегодня поднимается уже следующий вопрос: не распадётся ли Россия точно так же, как распался Советский Союз, и не останется ли Россия в пределах Московских земель. Но я хотела бы остановиться на проблемах, которые сегодня раздирают наше общество и о которых Солженицын говорил как бы мимоходом. Они его волновали, но проходили неким фоном к «Обустройству...» И Рената Александровна мне помогла в этом смысле, потому что она говорила о положении Церкви и цитировала письмо Солженицына к Патриарху Пимену, это 1972 год. А вот фрагмент о Церкви из статьи «Как нам обустроить Россию?». Это уже 1990 год, то есть спустя восемнадцать лет. Можно убедиться, насколько это горячая проблематика, насколько она сегодня хватает за живое каждого верующего и неверующего, любого человека, кто живёт в нашей стране и кто об этом думает. Я читаю: «Хотелось бы подбодриться благотельными возможностями Церкви. Увы, даже сегодня, когда уже всё в стране пришло в движение — оживление смелости мало коснулось православной иерархии». Посмотрите, какие вопросы волнуют Солженицына в сравнении с письмом к Патриарху. За восемнадцать лет — какое движение, какие тенденции! Он замечает: «И во дни всеобщей нищеты надо же отказаться от признаков богатства, которыми соблазняет власть. Только тогда Церковь поможет нам в общественном оздоровлении, когда найдёт в себе силы полностью освободиться от ига государства и восстановить ту живую связь с общенародным чувством, какая так ярко светилась даже и в разгар Семнадцатого года при выборах митрополитов Тихона и Вениамина, при созыве Церковного Собора. Явить бы и теперь, по завету Христа, пример бесстрашия — и не только к государству, но и к обществу, и к жгучим бедам дня, и к себе самой. Воскресительные движения и тут, как и во всей остальной жизни, ожидаются — и уже начались — снизу, от рядового священства, от сплочённых приходов, от самоотверженных прихожан».

Это пожелание Солженицына в адрес Церкви, которая не должна соблазняться атрибутами богатства и государственной лаской. Представьте, насколько это сегодня хватает всех за горло. Я не буду приводить сегодняшние реалии, они всем известны. Но это предупреждение меня просто потрясает. Через толщу двадцати двух лет — от 1990 года до сегодняшнего дня — мы находимся в той реальности, когда Церковь таки соблазнилась атрибутами богатства, таки пошла на теснейший контакт с властью, таки, по-моему, зажимаются низовые попытки. Послание Солженицына не было услышано тогда. Не слышат, не хотят его

слышать и сегодня. Напротив, церковные публицисты чураются мысли о скромности материального содержания, настаивают на праве иерархов иметь в своём распоряжении «мерседесы», а не «жигули», полагая, что зримые доказательства богатства — это знаки силы и могущества. И это, как писал Солженицын, «во дни всеобщей нищеты...»

И ещё одна тема, которая сегодня является самой обсуждаемой в обществе. Вот прошла на ТВ передача «Исторический процесс». Я всегда смотрю эти передачи, как ни противно иногда бывает. Они сейчас идут без пронзительно-истерического Кургиняна, но со Сванидзе, который неприятен по-другому, вместе с очень тоже неприятным Дмитрием Киселёвым. Вот они обсуждали различное отношение нынешнего общества к Великой Отечественной войне. Приведу только один пример недавнего общественного скандала, не знаю, насколько он известен. Я состою в российской социальной сети «ВКонтакте», в узкой группе «Исследователи Ф.М. Достоевского», и поэтому так или иначе все эти споры обнаруживаю в блоке новостей. Итак, основатель этой сети Павел Дуров в День Победы 9 мая написал в своем блоге: «Ну, хорошо День Победы. Что мы празднуем? Мы празднуем 67 лет с того дня, как Сталин отвоевал у Гитлера право репрессировать свой народ». Это высказывание вызвало бурю возмущения в многомиллионной сети. Факт тот, что многие пользователи — известные люди — объявили бойкот сети и в знак протеста вышли из неё. Но вот я читаю фрагмент статьи Солженицына «Как нам обустроить Россию?»: «Не гордиться нам и советско-германской войной, на которой мы уложили за 30 миллионов, вдесятеро гуще, чем враг, и только утвердили над собой деспотию». В принципе это же самое, что сказал Павел Дуров, и это то, что в ключья раздирает ныне телевизионный эфир и страницы газет, так что люди просто бросаются друг на друга с кулаками. Кстати, в дискуссии участвовал и директор ИНИОН — здания, где мы сейчас находимся, академик Ю.С. Пивоваров. Так вот, с одной стороны был Пивоваров, с другой стороны — Легойда, Мединский и Мигранян. Эти трое были точно против того настроения, что День Победы — это праздник «со слезами на глазах» и с большой горечью в душе. Всякие рефлексии и сомнения по поводу Дня Победы вызывают сегодня сильнейшую агрессию, и я думаю, что термин Солженицына «советско-германская», а не Великая Отечественная война (давно появилась аббревиатура «ВОВ») ему бы сегодня не прошёл даром.

Не простили бы ему сегодня и слов «Нет у нас сил на Империю! — и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель». Имперское чувство сегодня снова в моде, оно культивируется многими СМИ и многими умами; напротив, антиимперское сознание квалифицируется как либеральное, разрушительное, антирусское, даже и русофобское. «До каких пор и зачем нам выдувать

всё новые, новые виды наступательного оружия? да всеокеанский военный флот? Планету захватывать? А это всё — уже сотни миллиардов в год. И это тоже надо отрубить — в одночас. Может подождать — и Космос». Эта фраза сейчас тоже получила бы резкий отпор и у военных, и у думцев, и в обществе, которое осознало, как много Россия растеряла и в самолетах, и в кораблях, и в космосе. И в современном оружии. Разоружение — сейчас совершенно непопулярно, разве что среди презренных ельцинистов. Пришло понимание, что мы держимся на плаву только благодаря атомному оружию.

И это далеко не всё. Есть ещё немало мест в статье, которые в современной ситуации могут служить хвостом для костра. Надо ли это обсуждать или не надо? Думаю, что надо, необходимо — и для понимания сегодняшней ситуации, и для понимания ситуации двадцатилетней давности. Кстати говоря, Солженицын задевает очень для всех нас болезненный вопрос об образовании. Понятно, что он ругает современное ему образование по своим тогдашним критериям. Сравнить, что собой представляет образование сегодня, так советское образование — оно просто энциклопедическое! Без ЕГЭ, без сокращённых программ, с нормальными учебниками по базовым предметам...

Мне кажется, что статья «Как нам обустроить Россию?» имеет значение не только как некое ретро, не только как история общественной мысли. Она важна для понимания современного общества, его состояния, его реакций и настроений. Ведь оно не только не изжило все перечисленные проблемы, оно их усугубило, ожесточило. Общество абсолютно расколото и разодрано, гораздо в большей степени, чем было тогда.

Меня очень задело ваше выступление, г-н Зибницкий. Вы сказали о том, что сейчас отсутствует сам адресат солженицынского послания — Россия неразделённая. И я понимаю, что это именно так: Россия и русский народ разодраны сегодня на атомарном уровне. Все ненавидят всех, все против всех. И как обустроить Россию, строить национальное государство, когда такое настроение?! Давайте не будем строить иллюзий. Мы уже жили в многонациональном государстве, в монархическом, в имперском. А попробуйте сегодня сказать в определённых кругах, что нам империя не под силу, как пишет Солженицын, — съедят! У нас же такие сильные имперские настроения: сохранить, преумножить, и проч., и проч.

Таким образом, Солженицын сегодня — это костёр, даже не по тому вопросу, как будут делиться республики, а по оценкам, что происходит сегодня в мире — и по Церкви, и по Дню Победы, и по иерархам, и по военачальникам, и по чиновникам. Мне было бы интересно обсуждать в общественном пространстве «Как нам обустроить Россию?» с точки зрения взгляда современного человека, который живёт в своем мире и хочет его как-то освоить, понять. Спасибо.

Гальцева. — Позвольте дополнить ваше выступление по поводу «Исторического процесса». Поразительны аплодисменты в адрес троих защитников, которых вы перечислили. Возможно, в аудитории собрали «сво-

их», возможно, пригласили группу поддержки, как это было у Кургиняна, а теперь то же самое сделали с этой троицей, собранной Дмитрием Киселёвым... Но этим нельзя объяснить голосования телезрителей. Главная причина, по-видимому, в том, что псевдопатриотические возгласия усваиваются лучше, чем разумные доводы. Потому такого рода публичные представления (да еще с подсчётом голосов!) мне кажутся не столько просвещающими умы, сколько разжигающими страсти. Да ведь и Сванидзе, чуть заведите разговор, например, об обуздании гомосексуалистов, тоже окажется совсем не просветителем, а неолиберальным глашатаем. Да... нет места, куда «можно было бы пойти», нет такого публичного собрания, где бы я чувствовала себя среди своих, среди единомышленников, — если не считать «страшно узкого круга» друзей. Я описала этот разлом на две половины: половину правды и половину неправды. И тут особенно активизируются сталинистские настроения: поскольку нет идеи цельной Правды, торжествует идея Силы.

Сараскина. — Рената, я не успела это сказать, не хотела задерживать присутствующих. Ведь самое неприятное было в этом «Историческом процессе», что Д. Киселёв на самом деле камуфлировал свои тезисы, причем этот камуфляж был для детского сада, для малых детей. И опять Ю. С. Пивоваров сказал своим оппонентам очень правильную вещь: своим здоровым, победным, ничем не смущённым чувством вы же просто прикрываете сталинские преступления, преступления советского режима. Но наша общественность, представители нашей интеллектуальной элиты не в состоянии обсуждать эту проблему. Они тут же переходят на личности, грубо нападают, дерут глотки, пожирая друг у друга печень. (*Гальцева:* «Демагогия — у них основное».) На самом деле собрались приличные люди — с одной стороны три профессора, и с другой стороны три профессора. Но дрались беспощадно. Как в ситуации, когда шесть профессоров в передаче ВГТРК не могут ни слушать, ни договориться, ни понять друг друга, как в этой ситуации строить национальное государство? Как это возможно? Я не знаю.

Иванов. — Действительно, у нас нет возможности выстроить такие же партии национальные, как в Прибалтике и даже на Украине. Дело не в крови, дело прежде всего в том, что есть ответственная национальная элита, которая хочет сама здесь жить, и чтобы её дети и внуки тоже здесь жили. А у нас — офшорная аристократия.

Сараскина. — Я хочу опять вспомнить письмо Солженицына к патриарху, которое цитировала Рената Александровна. Насколько оно актуально! Я прочитала недавно, не поверив своим глазам, что ведомство отца Всеволода Чаплина предлагает на рассмотрение в Государственную думу проект об уголовной ответственности за (перечисляю) агрессивный либерализм, секуляризм, пропаганду светскости (как вам нравится?! Это вообще антиконституционные дела!). Как это вообще возможно? Как мы будем всё это улаживать? Я чувствую, что это породит самый агрессивный воинствующий атеизм, которого в России не было. Но он будет, если так пойдут дела.

Роднянская Ирина Бенционовна

Позвольте вернуться к этому пресловутому «Историческому процессу» и множеству аналогичных впечатлений. Из них следует, что нужно отдать себе отчёт, в какой опасный для страны момент мы живём. В России идет тлеющая гражданская война. Нужно признать этот факт. А параллельно — и факт легитимного, по нынешнему законодательству, избрания президента. Даже если вычесть из общего количества полученных им голосов процентов десять, приходящихся на фальсификации, всё равно этого недостаточно, чтобы дезавуировать его победу и тем более «поменять режим».

Так вот, у нас тлеет гражданская война — телепередачи определённого формата свидетельствуют об этом не меньше, чем бури в Интернете. У Ренаты Александровны даже была мысль запретить такие ток-шоу, чтобы не разжигать дополнительно злобу и ненависть. (Гальцева: «Не запретить, а перевести в другой формат».) Опасность же вот в чём. С одной стороны, всё обостряющаяся жажда перемен — прежде всего у значительной части интеллигенции, но уже и у более широких слоёв. И если такая жажда нарастает, в конце концов что-нибудь да случается, как показывает история. Но когда перемены совершаются в условиях разделённого общества, в условиях подспудной гражданской войны, будет ли позитивный результат? Ведь и на то, что «на другой стороне», нужно смотреть без иллюзий. Как совершенно справедливо говорил Эдуард Зибницкий, «молчаливое большинство» (имеющее, однако, своих говорливых выразителей) ничего не хочет слышать о том, что наша страна в трагическом положении, что она осталась в трагическом положении и выйдя из войны победительницей, что она и поныне, в сущности, слабая страна — могучая, обильная, но бессильная, повторяя слова Некрасова. Это большинство хочет внимать совсем другим речам.

Любой либеральный консерватор, к которым я отношу и себя, вынужден — и даже морально обязан — исходить не только из необходимости развития, освободительных перемен (на то он и «либеральный»), но и из того, с каким наличным жизненным материалом он имеет дело, с какой человеческой общностью, составляющей нынешнюю «почву», он должен считаться (на то он и «консерватор»). Так вот, этот человеческий массив слишком вздрючен, слишком непросветлён, слишком опасен, чтобы во имя благих целей ломать его через колено (не говоря уж о том, что это аморально). Но, между тем, жажда справедливости проникает вглубь и этого большинства, она может прорвать некую плотину и ринуться в сторону радикальной «левизны». Что будет? Неизвестно.

Хотя сейчас никто никого не слушает, всё-таки должно — пусть и «без надежды на успех», как говорили экзистенциалисты, — анализируя ситуацию, усиленно предупреждать об опасности обе стороны. Ведь свободолюбивая интеллигенция в толще своей

так же некомпетентна и тенденциозна, как и «спикеры» противостоящего ей большинства. Вот Людмила Ивановна Сараскина заговорила о Церкви и претензиях к ней. Но не далее, как вчера, я слышала (опять-таки по «ящику») фразу из уст образованного — по внешнему облику и реноме — человека, борца с «клерикализмом»: «Над Россией нависла чёрная сутана». Он даже не удосужился узнать, что наши попы носят не сутану, а рясу. Это — как лакмусовая бумажка. Меня такие вещи пугают иногда больше, чем рукопашные потасовки, потому что они — тревожный сигнал о вероятном провале положительного обновления. Пугают не меньше, чем агрессия каких-нибудь «хоругвеносцев», которых однажды упомянула Рената Гальцева.

Короче, в условиях латентной гражданской войны решительные реформы строя крайне нежелательны — и вместе с тем крайне нужны. Такова труднейшая, парадоксальнейшая антиномия. Надо её сначала осознать, а потом уже думать, «как нам обустроить Россию»...

Из-за своей затянувшейся реплики я не успела сказать то, к чему готовилась заранее и что сочла особенно важным после выступления Михаила Александровича Краснова и замечаний Натальи Дмитриевны, — насчёт «монархизма» Солженицына и монархии как таковой.

Вопрос о конституционной монархии применительно к России всплывает пока в сугубо «платоническом» измерении, но с показательной частотой. На этом поле ищут какой-то примирительный выход из той опасной конфликтной ситуации, которую я пыталась описать. И, как узнаём из слов Михаила Александровича, искали ещё на переломе времени в 1990-х годах. Искали же и ищут не зря.

Я хочу сослаться на участника нашего круглого стола Эдуарда Зибницкого, на его знаменательную статью пятилетней давности «Монархический принцип и власть» («Новый мир», 2007, № 4). Он пишет: «...Конституционная монархия — это своего рода противоядие в отношении культа власти, силы, начальолюбия. <...> Вся аффектация власти, вся её напыщенность, весь агрессивный пафос государственности и могущества обращаются в совершенно *безобидную* фигуру человека, который этим не располагает, но зато законно обладает первенством *чести*. Между тем канцлер или премьер-министр, который и концентрирует в руках реальные рычаги власти, остаётся навсегда фигурой номер два, а может быть, даже номер три, после наследника престола или королевы-матери. *Реальная* власть в глазах народа становится нанятым, *временным* управляющим, совершенно прагматическим, служебным институтом. Так хотя бы символически у власти вырывается её ядовитое жало, её тотальное самолюбование. <...> Неприличным становится преклонение перед бюрократом номер один, когда есть законный монарх,

в фигуре которого и концентрируется пафос национальной гордости, пафос единства с историей и традицией. <...> Неправящий монарх, таким образом, переводит в идеально-условный план весь этот очень опасный пафос государственного величия. Так что это — очень важная “символическая” функция» (с. 123).

Здесь, думаю, обозначен наилучший, а для России едва ли не *единственный*, способ превратить «бюрократа номер один» из невенчанного царя в «ночного сторожа» государства — о чём мечтают наши либералы. До того размечтались, что уверены, будто народное сознание уже готово к такому восприятию высшего должностного лица: «Присущая исторически российскому человеку сакрализация верховной власти уходит в прошлое. Созрело неокapиталистическое восприятие власти — как наёмного менеджмента, который должен эффективно заботиться о благе общества» (д-р филос. наук Г. Л. Тульчинский. «Общество созрело, или Перспективы легитимности власти в современной России» — «Знамя», 2012, № 5). Они ошибаются. Только что я увидела с экрана, как народный умелец, мастера скворечник класса люкс, клеивает на внутреннюю его стенку портрет Путина: пусть и пернатые знают, говорит он, «кто в доме хозяин».

Харизматический ореол власти не вытравить ничем, ибо он присущ категории власти как таковой. Особенно же — когда этому способствует национальная традиция. Этот ореол, эту ауру можно только переадресовать лицу, которое в силу своего статуса их обезопасит.

В «Свете Невечернем» Сергей Булгаков пишет: «В происхождении своём <...> власть таит в себе нечто загадочное. <...> Потенциальная энергия власти, активная и пассивная, — как властвования, так и повиновения, всегда присуща человеку <...> Очевидно, власть имеет какое-то отношение к самому существу человеческого духа, и надо <...> отвергнуть рационалистические измышления “просветительства”, будто власть и право кем-то изобретены <...> произошли вследствие “общественного договора”. Глубокий и тёмный *инстинкт* власти здесь подменяется рассудочным утилитаризмом, и власть представляется вроде наёмного лакея, которого можно позвать и отпустить. <...> Власть как таковой неизменно присущ религиозный и мистический ореол, который позлащает не только корону наследственного монарха, но и ликторскую секиру республиканского консула».

Конституционная монархия нужна именно затем, чтобы мистический ореол не позлащал республиканскую секиру диктатора. И, мне кажется, не совсем права Наталья Дмитриевна, когда говорит, что такой институт невозможен в секулярном обществе, где далеко не все готовы верить в богопомазанность монарха. Опыт Великобритании и многих стран континентальной Европы показывает, что символическая роль монархов у них в почёте, хотя прямых богоотрицателей там, я думаю, куда больше, чем в России. Чтут тради-

цию монархического представительства нации, сами, быть может, не понимая почему. И это совсем не плохо.

Как мне приходилось слышать, сходную роль предполагают возможным передать надпартийному (и долгосрочному) президенту с резко ограниченными властными полномочиями. Но это суррогатное решение. Именно ввиду неотъемлемой мистичности власти это будет либо зиц-председатель, бессильный сосредоточить на себе харизму предстоятеля нации, либо сумевший, как когда-то Сталин, изменить исходное скромное значение своего места диктатор, с сопутствующим мистическим поклонением ему как «человеку судьбы» (Наполеону, Гитлеру, тому же Сталину) ...

Так каким же образом мог бы у нас вкорениться институт конституционной монархии? Коронованием какого-либо лица из прежнего царствующего дома? Соборным избранием его — или ещё как-нибудь? Здесь уместно старое слово, когда-то относимое к государственному устройству России в будущем, — *непредрешенчество*.

Важно, чтобы мы не считали такой исход беспочвенной утопией. То, на что есть исторический запрос, может и осуществиться!

И вот — в виде постскриптума. Недавно на заключительном концерте Фестиваля симфонических оркестров в Москве, где исполнялась с участием хора отечественная гимническая музыка, в финале прозвучало «Боже, Царя храни». Прохладная до этого момента публика как по команде встала с мест и стояла до конца исполнения, а по окончании разразилась пятиминутной овацией. Эта спонтанная реакция множества людей, в силу возраста никак не связанных с «царским режимом», способна, быть может, умерить скепсис в вопросе о «монархическом сознании» современных россиян.

Антонов Александр Васильевич (выступление из зала). — Я хотел бы просто поставить проблему. В Древней Руси существовала казнь: человека привязывали за ноги к двум наклонённым берёзам, затем берёзы отпускали — и его разрывало. Сейчас мы переживаем трагический исторический момент, когда русский человек находится как бы между двумя такими берёзами. С одной стороны, измерение имперскости, с другой — этничность. Если сильнее будет национализм, то имперскость лопнет; как писал Александр Исаевич Солженицын, нас погребёт эта система. А если мы будем спасать имперскость, продолжая нажимать на неё, как наши государственники, то русский народ не выдержит. (Иванов: «Нам бы чеченскую рождаемость, можно и имперскость».) Лозунг «Россия для русских» — это сразу конец; все народы сразу разбегутся.

И закончу ещё одним образом. В истории России так: у человека, попавшего в трясины, есть два варианта: если трепыхаться — затянет быстро, если не трепыхаться — будешь медленно стабильно погружаться. Иного не дано. Благодарю.

Солженицына. — Я ещё хотела такое странное предположение высказать. Эта гражданская война,

о которой вы говорите, конечно, идёт, но это не война идеологий, это тактические споры — за будущее, за школу, за детей. Тот же Мединский выступает так (несколько лет назад он говорил совершенно иначе), что мы не можем вырастить здоровые поколения, если в их глазах мы, их отцы и деды, — такие лохи, неудачники. И вот — все борются. Каждый по-своему за то же самое. За то, чтобы Россия не потонула. Только одни считают, что она не потонет, если будет собой гордиться и считать себя непорочной. А другие — что мы никогда не воспрянем, если не признаем, оглянувшись, что были по крайней мере тёмные провалы в нашей недавней истории. Спорят не столько о цели, сколько о пути. Так что есть парадокс какой-то: в этой «гражданской войне» проявляется некая витальность, воля к жизни, о которой вы говорите, что она исчезла. И мне кажется, что не так уж всё пессимистично.

Цурганов. — Спасибо. Коллеги, кто хочет ещё выступить? Мы с вами работаем с пяти часов вечера, но, по-моему, никто не устал. Хотя здание закрывается...

Гальцева. — Нашему борцу за права человека, за философию — Юрию Сергеевичу Пивоварову — давайте выразим благодарность. И за героическое поведение на вчерашнем «Историческом процессе»!

Серебряный. — Можно я пару слов скажу? У меня в руках та самая публикация «Как нам обустроить Россию?» в «Литературке». Я не знаю, как вы думаете публиковать материалы Круглого стола в «Посеве», но, мне кажется, есть смысл вначале дать академическое издание статьи — она вполне этого заслуживает. Со всеми ссылками — потому что в ней очень много цитат. И может быть, дать комментарий историка. Или опубликовать не в журнале, а сделать отдельную книжку.
